

Литя трёх смертей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Рубцов

Дитя трёх смертей

<https://litres.ru/74256829>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что-то выбралось из глубин мёртвого улья. Что-то, что училось ходить на двух ногах, впервые почувствовало вкус дождя и с любопытством разглядывало свои новые пятипалые руки. Существо, рождённое хищной тьмой подземелий, готовилось стать чем-то — или кем-то — совершенно иным.

Но пробуждение оказалось не таким, каким его представляли. В голове зазвучали три голоса — три воли, каждая из которых требует тело себе. «Отец». «Кали». «Томбай». Кто из них победит? И останется ли что-то от самой Особи, когда всё решится?

А где-то там, наверху, в залитом солнцем городе Мэнетиль, молодой эльф Рун безнадёжно проваливает очередной отчёт, ссорится с прекрасной, но грозной подругой детства и понятия не имеет, что его беззаботная жизнь вот-вот столкнётся с чем-то, рождённым за гранью его мира.

Тьма и свет. Хищник и разум. Три смерти — и одна жизнь, которую ещё предстоит заслужить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	31
Глава 3	48
Глава 4	71
Г	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Станислав Рубцов

Дитя трёх смертей

Пролог

Удивительно, но даже под землей бывает ветер. Его внезапные порывы завывают в широких пещерах, словно неведомый хищник, идущий по твоему следу. Он гулял по опустевшим тоннелям, цепляясь за выступы камня, за обломки хитиновых пластин и за свисающие со сводов нити высушенной плоти. Иногда ветер приносил с собой слабый, сладковатый запах старой крови и феромонов тревоги, которыми ульи предупреждают друг друга об опасности. Но теперь предупреждать было некого.

Всюду прослеживались следы ожесточенной битвы. Стены, полы и потолки пещеры были испещрены глубокими бороздами от когтей, повсюду были разметаны рваные ошметки плоти. Вековой гранит был разбит в мелкую крошку, усеявшую ныне мертвые подземные коридоры.

В темных подземных коридорах огромного улья сложно разглядеть что-то, а потому мысль о затаившемся хищнике способна напугать даже самого смелого исследователя, рискувшего забрести в домен жутких подземных чудовищ. Ветер гулял по пустым залам, и в его завываниях чудилось ды-

хание огромного мертвого организма, который когда-то был полон жизни.

Тишину, нарушаемую лишь завываниями ветра, прорезало тихое ритмичное клцание. Сначала едва различимое. Потом — отчетливое. Где-то в глубине тоннелей что-то двигалось. Мелкие осколки хитина на полу дрогнули. Пыль, скопившаяся в трещинах камня, едва заметно поднялась в воздух. Где-то далеко в темноте сорвался с уступа кусок панциря и с глухим стуком покатился по камню, долго отдаваясь эхом в пустых коридорах.

Из глубин пещер поднималось существо. Оно шло, удерживая тело вертикально, аккуратно, немного неуверенно ступая трехпалыми когтистыми лапами по полу пещеры. Каждое движение сопровождалось сухим клцаньем когтей, выбивающих тихую дробь по камню. При очередном шаге под лапой Особи что-то хрустнуло. Под темным сводом подземного тоннеля вспыхнули два фиолетовых огонька.

Глаза Особи метнулись в поисках источника звука. Внизу, у лап Особи обнаружились разметанные, словно ураганом, темные пластинки неправильной формы. Одна из которых и хрустнула под весом Особи. Она перевела взгляд туда, где пластинок становилось больше и увидела пустой панцирь огромного существа, напоминающего какое-то насекомое. Особь приняхалась. Панцирь не пах едой. Все уже было съедено. Особь двинулась дальше.

Очередной порыв ветра вынес из глубин пещер сладкий

запах свежей плоти. Но Особь знала, что там, внизу, уже нет ничего вкусного. Мертвая тишина опустилась на это место. Иногда ветер приносил слабые остатки феромонов — обрывки тревожных сигналов улья, которые больше никому было слышать.

Воздух становился свежее, все слабее был сладкий запах плоти и все сильнее зеленый запах. Запах растений. Особь остановилась и повернулась, пристально смотря вглубь пещеры, которую она покидает. Плоть забурлила, из низа спины с тихим хлюпаньем стали прорастать тонкие черные отростки, формирующие длинный костяной хвост, удлинняющийся до тех пор, пока не стал в два раза длиннее тела Особи. С учетом лап.

На кончике хвоста стала пузыриться плоть. Хоть хвост и был похож на хребет, он все еще был из плоти, не из кости. Особь подняла кончик хвоста над землей, до уровня глаз, наблюдая, как набухает мерзкий комок мяса, хитиновых осколков и мелких костей.

С противным чавканьем сгусток плоти отделился от хвоста, упав на каменистый пол пещеры. Выглядело это отталкивающе. Буро-красный комок плоти с осколками костей, хитина и чего-то еще, пульсировал на потрескавшемся полу пещеры. Особь стояла в паре метров от комка плоти, следя немигающим взглядом за тем, как с каждой пульсацией комок разрастается, расползаясь по полу. Как его склизкие отростки тянутся к стенам и к особи.

Она сделала шаг назад, острые когти царапнули пол, высекая сноп мелких искр, отпугнувших разрастающуюся плоть. Особь издала тихий клокочущий звук, доносящийся из груди. Особь была довольна. Немигающим взглядом глаз, сияющих во тьме пещеры, как две яркие звезды, она следила, как плоть разрастается, спускаясь вглубь пещер.

Особь цокала когтем по полу, обозначая сгустку границы, за которые нельзя заходить. Когда ком плоти с мерзким чавканием поглотил оторванное брюшко другой особи, чье растерзанное тело лежало чуть глубже в пещере, темп роста ускорился. Когда тонкие щупальца сгустка плоти затянули проход в пещеру, словно паутиной, Особь поняла, что пришло время. Отвернувшись от зияющей тьмы пещеры, она медленно пошла к тусклому свету и свежему воздуху. С каждым шагом когти на нижних конечностях постукивали по камню, задавая какой-то странный ритм ходьбе Особи. Своеобразные походные барабаны.

Что такое барабаны? Особь не знала, но чувствовала, что это подходящее сравнение. Постепенно поверхность приближалась. Особь ощутила, как меняются её глаза, адаптируясь к яркому свету поверхности. Еще несколько шагов и Особь ступила на мягкий травянистый ковер.

Сверху лил дождь, молотя тысячами капель по плечам и голове Особи. Она подняла лицо к небу, ощущая, как прохладная вода стекает по хитиновым пластинам, смывая липкие следы старой крови и пыли улья. Капли стекали по ску-

лам, по шее, по позвоночнику, собираясь на кончике хвоста и падая в траву.

Воздух был холоднее подземелья. И легче. Слишком много воздуха. Особь втянула его глубже. Вместе с дождем в ноздри проникал зеленый запах — влажная земля, трава, древесная кора. Мир был полон запахов. Слишком полон.

Было... приятно.

Шум дождя в лесу отличался от звуков улья. Там всегда гудели тысячи тел, шуршал хитин, шептали феромоны королевы. Здесь же был только дождь. Мягкий, ровный, убаюкивающий. Наконец-то приятные звуки.

Но Особь не могла позволить себе долго находиться здесь. Она скоро проснется, и Особь не знала, что будет потом. Бросив последний взгляд на пещеру, из которой она вышла, Особь отвернулась и припала к земле, уперевшись в дерн всеми четырьмя конечностями. Трава под когтями была мягкой и влажной, земля под ней податливо прогнулась, принимая вес тела. Плоть на передних лапах забурлила и пальцы вытянулись, покрываясь костяным слоем, пока не превратились в цепкие когти.

Хвост со свистом рассек воздух, когда Особь сорвалась с места. Тело ощущалось необычайно легким. Каждый рывок становился легче и быстрее предыдущего. Резко отскочив в сторону, когда из кустов послышался треск, Особь повисла на дереве, вцепившись в него когтями и обхватив ствол хвостом. Из куста выскочило мелкое существо. Слишком мел-

кое, чтобы заинтересовать сытую Особь. Проводив существо взглядом, Особь заползла на ветвь дерева и осмотрелась. Окружение было объято багровым светом, словно огнем, но Особь не чувствовала угрозы пожара. Вероятно это солнце, так губительное для глаз сородичей.

Особь спрыгнула с дерева, приземлившись лишь на задние лапы. После недавней трапезы ей, почему-то, было удобнее передвигаться, удерживая тело вертикально.

Дождь не утихал и лишь становился сильнее. Глаза Особи закрыла намокшая шерсть. Кажется, её нужно называть волосы. Странное слово. Особь подняла переднюю лапу и убрала налипшие волосы с глаз. Когти исчезли, словно их и не было, а Особь смотрела на пятипалую конечность. Подходящее слово само собой всплыло в голове особи. Руки. А нижние лапы - ноги.

Особь осмотрела себя. Руки были приемлемой формы, возможно, немного тоньше, чем следовало бы, ноги не были похожи на то, что должно было быть. Но три пальца, увенчанные острыми загнутыми когтями и слоистые пластинки хитина делали эти ноги достаточно удобными для передвижения и лазанья. Особи нравилось. Не будет менять. Туловище напоминало самку, но не было молочных желез. Особь не понимала их смысл. И не стала имитировать.

Резкая пульсация в голове заставила Особь пошатнуться и впитаться резко выросшими когтями в ближайшее дерево.

Она просыпается. Которая из? Синяя? Или Черная? Боль

нарастал, разливаясь по телу Особи раскаленным металлом. Двигаться становилось все тяжелее. Собрав все силы в один последний рывок, Особь шагнула вперед. Позади загремело падающее дерево, но пульсация гемолимфы заглушало даже такой шум, не говоря уже о шелесте дождя, капли которого Особь перестала ощущать на своем теле.

“Не отдам!” #####”Идье”#####”Плоть!!”

#####”ОТЕЦ”#####”Мое”

“Томбай” #####”Кали...” #####”ПРОЧЬ!”

Три голоса слились в резонансе. Особь упала на колени, обхватив голову руками и взывала. Больно. Больно. Больнобольнобольнобольно. Особь царапала голову, надеясь вырвать чужие голоса из собственного черепа. Когти рвали плоть, с хрустом вскрывая хитиновые пластины. Бледно-зеленая лимфа брызгала во все стороны, разлетаясь вместе с ошметками плоти, но зияющие раны зарастали так же быстро, как Особь их наносила. Гул голосов нарастал. Они хотят её тело. Их тело. Наше тело.

Взгляд Особи опустел, руки безвольными плетью упали вниз, повиснув вдоль туловища. Она замерла, смотря в свинцовое небо, низвергающиеся на нее потоки воды, смывающей с ее тела брызги лимфы и ошметки плоти. Так спокойно.

Особь закрыла глаза, медленно заваливаясь вбок. Трава смягчила падение. Мягко. Сознание медленно угасало, Особь погружалась в сон. Последнее, что ощутила Особь - теплые прикосновения солнечных лучей, пробившихся че-

рез тяжелые дождевые тучи. Приятно.

Глава 1

Месяц Цветущих Ветров только набирал силу. Утренний воздух был тёплым и лёгким, наполненным запахом молодой листвы, влажной земли и едва уловимой сладостью цветущих садов, раскинувшихся за стенами Мэнетиля. Сквозь приоткрытое окно постоянного двора в комнату медленно проникал ветер, шевеля занавеску и настойчиво вырывая Руна из сладкого сна.

Молодой эльф недовольно заворчал, пытаясь перевернуться на другой бок, в тщетных попытках спрятаться от пробуждения. Но у мироздания были на него другие планы. Дверь с грохотом распахнулась, заставив Руна подскочить и неуклюже свалиться с кровати. На пороге стояла эльфийка, прекрасная как рассвет, но взгляд её глубоких зеленых глаз не сулил Руно ничего хорошего.

— Рунсэнэй Энсатра! — практически прорычала эльфийка, совершенно не подходящим её прелестному лицу, низким, почти утробным голосом. Позади эльфийки стоял ещё один представитель их рода. Такой же прекрасный, как и девушка в дверях.

— И тебе доброе утро, Альвейн. — ответил Рун, дружелюбно приветствуя друзей. Но Альвейн, кажется, не была настроена на дружескую беседу. Она медленно шагнула в комнату, не сводя с Руна взгляда, способного прожечь дыру да-

же в каменной стене.

— Доброе утро? — процедила она.

— Ты называешь это добрым утром? — Она подняла руку, и только теперь Рун заметил толстую пачку пергаментов. Очень знакомых пергаментов. Альвейн резко швырнула их на кровать. Листы разлетелись веером.

— Ты хоть один из этих отчётов перечитал перед тем, как сдавать? — Рун, всё ещё сидящий на полу, задумчиво почесал затылок.

— Конечно.

— ЛЖЕЦ!

Позади неё тихо хмыкнул второй эльф. Эльтуран стоял, прислонившись плечом к косяку, и наблюдал за происходящим с тем ленивым интересом, с каким смотрят на давно знакомое представление.

— В его защиту скажу, что он хотя бы пытался. — протянул он.

— Ты тоже участвовал. — Альвейн медленно повернула голову и Эльтуран мгновенно выпрямился под тяжелым взглядом сестры.

— Я лишь морально поддерживал...

Рун наконец поднялся на ноги и отряхнул рубаху.

— Если честно, я был уверен, что ты всё равно всё перепишешь. — Сказал Рун миролюбивым тоном. В комнате повисла пауза. Эльтуран тихо пробормотал:

— Сейчас начнётся.

Альвейн закрыла глаза, глубоко вдохнула... и медленно выдохнула.

— В отчёте по Хрустальному лесу, — сказала она обманчиво спокойным голосом.

— Ты указал, что причиной аномального роста грибов является... — Она подняла один из листов.

— Цитирую: «вероятно хорошее настроение почвы». — Рун на секунду задумался.

— Ну... она выглядела довольной. — Эльтуран зажал рот рукой. Альвейн молча уставилась в потолок.

— Кардея... дай мне сил. — на несколько секунд комнату заполнила звенящая тишина, нарушаемая лишь гомоном за окном. Город просыпался. Альвейн резко подняла один из пергаментов и потрясла им перед лицом Руна.

— Ты хоть понимаешь, что ты здесь написал? — Рун прищурился, пытаясь разглядеть строчки вверх ногами.

— Полагаю... выводы?

— Это не выводы, это поэма! — взорвалась Альвейн.

— Отчёт должен отвечать на вопросы что, где и почему! А не рассуждать о «подозрительно дружелюбном мхе»!

— Он правда выглядел дружелюбно, — миролюбиво заметил Рун. Позади неё тихо фыркнул Эльтуран. Альвейн медленно повернула голову.

— Ты. Молчи.

— Я молчу. — Эльтуран поднял руки в знак капитуляции.

Его сестра снова посмотрела на Руна. Потом на разбро-

санные по кровати листы. Потом снова на Руна.

— Всё. Хватит. — она тяжело вздохнула. Этот вздох был таким тяжелым, что под ней, казалось, скрипнул пол. Не дав Руну ничего сказать, она принялась собирать раскиданные по комнате листы.

Подошедший к другу Эльтуран помог тому подняться и они молча следили за действиями Альвейн. Тем временем, девушка, собравшая все листы, села за стол Руна, бросив парням, на удивление спокойным голосом, лишь одно слово:

— Вон. — парни переглянулись.

— Вон. — спокойно повторила она, уже разворачивая один из листов.

— Оба.

— Но мы можем помочь... — осторожно начал Рун. Альвейн подняла глаза. И этого взгляда оказалось достаточно.

— Хорошо, мы пошли, — быстро сказал Эльтуран, хватая Руна за рукав. Они едва успели выйти за дверь, как та с грохотом захлопнулась у них за спиной. Несколько секунд оба эльфа молча смотрели на закрытую дверь из-за которой уже доносился методичный скрип пера. Эльтуран вздохнул и потянулся.

— Ну что ж. Раз нас всё равно выгнали... может зайдём к торговцам? Лорсан привёз новую бочку из Империи. Говорят, она может убить даже тролля. — Рун усмехнулся и покачал головой.

— И пропустить утро в Месяц Цветущих Ветров? Нет уж.

— Ты странный, — заметил Эльтуран.

— Я исследователь.

Они распрощались на выходе из постоянного двора, где Рун снимал комнату. Конечно, Альвейн много раз настаивала на покупке собственного жилья, но Рун предпочитал иметь как можно меньше привязанностей к одному месту. Помахав на прощание другу, молодой эльф осмотрелся. Солнце еще даже не близилось к зениту, но уже приятно припекало. Рун провел ладонью по волосам, поправляя взъерошенную сумбурным пробуждением шевелюру и двинулся в сторону восточных ворот.

Он шел прогулочным шагом по одной из улочек торгового квартала, лениво переводя взгляд с одного прилавка на другой. Торопиться сегодня было некуда, заказов Гильдия не выдала, так как его группа еще не отчиталась о старых. Успешно переложив ответственность за бумаги на ворчащую и проклиняющую его подругу, Рун отправился на прогулку. Бесцельное шатание по городским улочкам привело его в район торговцев. Рун не был шопоголиком, да и пополнять припасы было пока рано, но сама атмосфера этого места располагала к тому, чтобы провести здесь часок-другой своей жизни. И оставить несколько монет в местных лавочках.

— Эй, странник, не хочешь прикупить парочку зелий? На разведку поди, али на задание бредешь? — Голос раздался справа от Руна, перекрывая гомон торговой улицы. Эльф остановился и повернул голову. Как он и подумал, это был

очередной торговец Ассоциации. Об этом говорила вывеска с крючком и каплей меда. Как там звучит их девиз? Цены как крючки, сделки как мед?

— Не стоит, спасибо, я просто прогуливаюсь. — ответил Рун, остановившись у прилавка окликнувшего его торговца. Торговец оказался знакомым.

— А, так это ты, Финдель. — Рун приветственно махнул рукой, приветствуя старого знакомого.

— Он самый, — довольно кивнул торговец, вытаскивая трубку.

— Редко вижу тебя без твоей шумной компании. — Финдель ловко набил трубку курительной смесью и чиркнул огнивом. Над прилавком поднялось облако хвойного дыма. Рунсэнь улыбнулся и качнул головой в направлении постоянного двора.

— Альвейн разбирает бумаги и отчитывается о проделанной работе. — глаза Финделя сузились и он глубоко затянулся, раскуривая трубку, а после выпустил облако пахнущего хвоей дыма в лицо Руна.

— Опять скинул на бедную девочку всю нудятину?

— Она злится еще больше, если я помогаю. — пожал плечами Рун и протянул руку к торговцу. Тот передал ему трубку, облокотившись на стойку. Приятный мягкий дым наполнил легкие эльфа. Вокруг кипела утренняя торговля. Где-то неподалёку спорили два возчика, рядом с лавкой звероморф-лисица торговалась за мешок сушёных ягод, а чуть

дальше мальчишка пытался стащить с прилавка яблоко и делал вид, что просто рассматривает товар.

Торговец подался чуть вперед, забирая трубку и переходя на пошулепот.

— Только между нами, Рун. Кажется, Башня затевает что-то крупное. — Рун вопросительно приподнял бровь, позволяя торговцу продолжить.

— Много нынче запросов приходит в Ассоциацию. Редкие реагенты, сложное оборудование.

— Они вечно суется, словно завтра конец света. — равнодушно ответил Рун, выпрямляясь, смотря вдоль улицы на виднеющиеся за стенами города кроны деревьев.

— Это верно. — усмехнулся Финдель и затянулся из трубки, но не вдохнул ничего, кроме воздуха. Растерянный, он заглянул в трубку, но кроме пепла ничего не увидел. Он перевел взгляд на Руна, делающего вид, что тут не при чем и хрипло усмехнулся.

Финдель был хорошим эльфом. Торговал честно, часто устраивал распродажи и знал почти всех Искателей, которые проходили через Мэнетиль. Ещё некоторое время Рун стоял у прилавка, общаясь с торговцем и обмениваясь новостями. Наконец, решив, что достаточно он отнял времени у друга, Рун отошел от стойки.

— Спасибо за табак, Финдель, я пошел. — Рун махнул рукой на прощание.

— Эй, ты ведь в лес собрался? — окликнул его Финдель,

когда Рун отошел на пару метров от прилавка. Эльф оглянулся и кивнул.

— Да, а что такое? — по лицу Финделя промелькнула тень сомнений и он почесал голову.

— Слухи нехорошие прошли. Мол дичь кто-то дерет в лесу, а на деревьях отметины странные. Тварь может какая.

— Ну тогда я исполню свой долг и расследую это дело.

— Финделю нечего было возразить. Рунсэнь, может, и не самый ответственный и пунктуальный эльф, но в здешних землях он единственный, кто может войти в пасть дракона и выйти целым.

— Ещё увидимся. Передавай привет Элу! — в конце концов сказал Финдель. Рун кивнул и свернул за угол, на соседнюю улицу, ведущую к западным воротам и прочь из города.

Эта улица была оживленной всегда, даже ночью — что уж говорить о самом разгаре дня. Оно и понятно. Улица, разделяющая город на северную и южную части, тянулась от западных ворот к восточным и была, по сути, мостом между Империей и Королевством.

Тут постоянно толпились повозки, телеги и пешие торговцы с пугающе огромными баулами за спинами. Возчики ругались, грузчики перекрикивались, лавочники зазывали покупателей, а между всем этим потоком сновали дети, собаки и мелкие звероморфы. Даже ночью движение здесь лишь стихало, но никогда не прекращалось полностью.

Остановившись в переулке между домами, Рун флегма-

тично проводил взглядом повозку, запряженную молодыми земляными дрейками. Крупные ящеры неторопливо переступали лапами, тяжело дыша и лениво помахивая хвостами. В Королевстве дрейки как выючные животные были редкостью, а уж земляные виды и вовсе почти не встречались. Но вот в Империи они заменяли мулов и быков. Рун много лет мечтал побывать в Аврелии. Говорили, там дороги шире городских улиц Мэнетиля, а караваны тянутся на многие мили, словно медленные реки из телег и выючных зверей.

Но из-за членства в Гильдии выбить разрешение на посещение других государств было не так-то просто. Эльф тяжело вздохнул и покачал головой. Членство в Гильдии Путешественников, конечно, открывало безграничные возможности. Особенно если дослужиться до более-менее высоких чинов, как Рун с его командой. Но за такую свободу приходилось платить. И сложности с пересечением границ были наименьшей из проблем.

Как уже давно не рядовой член Гильдии, Рунсэнь имел право входить в любой город беспрепятственно, получал значительные скидки у извозчиков и доступ к исследованию заповедных земель. Многие двери открывались перед Искателями сами собой. Но вместе с этим приходили и обязанности. Большинство из них Рун выполнял с удовольствием. Поиск редких реагентов для Башни, разведка новых территорий, оценка мест для будущих поселений - это было именно тем, ради чего он когда-то вступил в Гильдию. Но вот бу-

маги...

Рун бы никогда не достиг тех званий, что имеет сейчас, если бы не его верные друзья - Эльтуран и Альвейн. Особенно последняя. Именно она брала на себя самые сложные и утомительные части любой миссии. Бюрократию. Поначалу Эльтуран и Рунсэней искренне пытались помогать. Но после нескольких особенно крупных ошибок, и последующего избиения всеми предметами мебели, которые Альвейн смогла поднять и метнуть, они решили, что её лучше не злить.

Конечно, Альвейн продолжала ворчать и жаловаться, но Рун предпочитал терпеть её недовольство, чем снова три недели сращивать переломанные уши. Эльф поморщился от воспоминаний и передёрнул плечами. Страшнее обиженной женщины только женщина, которая говорит, что не обижена. А если в руке у неё табуретка, то пиши пропало.

Поэтому, как только дело доходило до отчётов, мужская часть команды поспешно ретировалась из зоны поражения. Эльтуран обычно отправлялся в Ассоциацию торговцев и пропадал там до вечера. А Рунсэней бесцельно бродил по городу или его окрестностям, развлекая себя наблюдением за людьми, зверорасами и редкими растениями, умудряющимися расти даже между камнями мостовой.

Рун ещё некоторое время бродил по улицам, позволяя городу самому вести его вперёд.

Постепенно дома становились ниже, лавки встречались реже, а шум торговых кварталов растворялся в тёплом вет-

ре Месяца Цветущих Ветров. У ворот толпились караваны — повозки скрипели, возчики спорили со стражей, а у дороги несколько мальчишек играли в Искателей Гильдии. Один, размахивая палкой вместо жезла, объявлял себя великим исследователем, другой изображал чудовище из леса. Рун невольно усмехнулся, на мгновение задержавшись посмотреть на их сражение, а затем, так и не вмешавшись, прошёл мимо.

За воротами город быстро остался позади. Дорога вилась между низкими лугами, где тёплый ветер колыхал молодую траву и доносил запах цветущих кустарников. Пройдя немного дальше, Рун свернул к старому мосту через неглубокую речку. Вода лениво текла между гладкими камнями, отражая свет солнца, клонившегося к западу.

Эльф остановился на середине моста, опёрся локтями на перила и некоторое время просто смотрел на течение. Он бросил в воду небольшой камень и проследил, как круги расходятся по поверхности, ломая отражение облаков. Постояв так с минуту, Рун выпрямился и снова зашагал по дороге. Впереди, за холмами, темнела кромка Хрустального леса. До сумерек оставалось ещё достаточно времени, чтобы дойти туда неторопливым шагом.

Пешком до леса было брести несколько часов, и Рун, шагая по усыпанной мелкими камнями дороге, время от времени поглядывал на солнце, прикидывая, сколько ещё осталось идти. Когда-то, пятьсот или шестьсот лет назад, здесь

была лишь узкая тропа, едва заметная среди высокой травы. Тогда он часто сбрасывал сапоги и шёл босиком по тёплой земле, наслаждаясь мягкой травой под ногами. Теперь же на месте той тропы лежал широкий каменистый тракт, по которому ежедневно проходили караваны и путники со всего континента.

Рун не просто застал рождение этого города, аучаствовал в нём. Когда он впервые пришёл сюда, едва разменяв свой первый век жизни, на этом месте стояло лишь несколько домов и грубая деревянная башня. Сейчас же Мэнэтиль жил собственной жизнью, и даже отсюда, с дороги, можно было увидеть дымки над крышами и услышать далёкий гул города. Эльф был рад этому. Но если бы он сказал, что нынешняя жизнь полностью его устраивает, он бы солгал самому себе.

Когда-то он мог месяцами бродить по этим лугам, записывая наблюдения о травах и птицах, спать под безоблачным небом и купаться в прохладной воде речки. Тогда мир казался огромным и бесконечным. Теперь же он был одним из старших членов Гильдии. И если покидал город, то чаще всего по поручению Башни или помогая молодым Искателям в дальних экспедициях.

Погружённый в эти размышления, Рун и сам не заметил, как дорога вывела его к опушке Хрустального леса. Лишь ветка, едва коснувшаяся кончика его уха, вырвала эльфа из задумчивости. Он остановился и несколько секунд стоял неподвижно, прежде чем понял, что ноги сами привели его

туда, куда он и собирался идти. Подняв взгляд к небу, Рун тихо хмыкнул. Солнце ещё теплилось у горизонта, окрашивая кроны деревьев в багровые оттенки. Красивое зрелище.

Но что-то сегодня было не так. Это ощущалось странно, словно встретил старого знакомого и только через мгновение понял, что в нём появилось что-то едва заметно чужое. Лес был тем же самым: те же деревья, те же запахи, тот же ветер в ветвях. И всё же Рун невольно чувствовал лёгкое несоответствие, будто привычная картина слегка сдвинулась. За сотни лет, что он исследовал эти земли, он ни разу не испытывал подобного чувства.

И от этого становилось немного не по себе.

Рун помнил это ощущение. Несколько лет назад, практически вчера, он со своей группой и несколькими наемниками нашли пещеру далеко на западе. Непримечательный, на вид, раскол в земле, куда едва мог протиснуться обычный эльф, источал опасность, ощущаемую за версту.

Опытные наемники, сопровождавшие тогда Руна, сказали, что этот провал следует завалить. От него веет опасностью, как от разинутой пасти дракона. Искатели, во главе с Рунсэнэем были согласны, и недолго думая, все эльфы обрушили на пролом в земле магические удары.

Они утюжили тот холмик до тех пор, пока даже намек на расселину не осталось. Альвейн тогда в отчете указала на запечатывание пролома Бездны, но ни тогда, ни сейчас, Рун не верил, что это была одна из Бездн. Да и сама Альвейн не

была в этом уверена.

И сейчас, стоя у приземистого деревца, Рун ощущал ту же гнетущую ауру, как и тогда. Что-то таилось в этом лесу. Что-то смертельно опасное и пугающее. Но было что-то в этой ауре неправильное, что не позволяло Руну тотчас бежать в город, сообщать об аномалии. Эльф потянулся к жезлу, закрепленному на бедре. Рука крепко сжала деревянную рукоять и в вечереющем сумраке леса вспыхнул слабый сиреневый огонек.

Все чувства опытного искателя обострились до предела. Он уже и позабыл, как ощущается адреналин. Когда сердце скачет галопом, норовя вырваться из груди, а теплый воздух летнего вечера ощущается ледяным, и обжигает грудь при каждом вдохе. Он медленно продвигался вглубь леса. Чувства безошибочно указывали на источник этого пугающего присутствия. Каждый шаг был тише шелеста травы, движения плавные, словно лесной ручей, обтекающий каждую преграду.

С каждым шагом Рун приближался к источнику этого пугающего чувства. С каждым шагом он крепче сжимал жезл в руке, готовясь выпустить мистические стрелы при первых же признаках опасности. Ох, как же сейчас он жалел, что не родился с предрасположенностью к стихийной магии. Будь он сейчас реверсом земли, проплыл бы под травой и разглядел бы угрозу. Или по небу, как легкий бриз.

Вдруг Рун остановился, словно громом пораженный. Чув-

ства его подвели. Он предполагал, что этот разлом, или что бы то ни было, еще далеко, но сейчас все его инстинкты вопили о том, что опасность в паре шагов от него. Вспоминая об этом моменте позднее, Рун и сам бы не смог сказать, как нашел в себе силы сделать эти несколько шагов вперед. Почему не сбежал в город и не позвал подмогу. Он сделал последний шаг и выглянул из-за кустов.

То что предстало его взору отпечаталось в воспоминаниях каленым железом. Издали, в темноте ночного леса, могло показаться, что на противоположном краю поляны сидит эльф. Или эльфийка. Небольшая, Рун не был уверен, есть ли в ней хотя бы полтора метра роста. И, пусть темные волосы были не свойственны альвам, Рун без предвзятости относился к метисам Эйнхериям, среди которых вполне были распространены как темные волосы, так и многие другие цвета. Фигура сидела сгорбившись, поджав колени к груди.

Руно даже показалось, что на незнакомке нет одежды. Но даже это не было самым примечательным наблюдением. То, что Рун изначально принял за обмотки на ногах, грязь или что еще, оказалось россыпью мелких чешуек, переходящих в более крупные. И ноги девушки оканчивались трехпалыми лапами, напоминающими драконьи. Даже когти, скребущие по земле, были похожи по форме и цвету на когти дрейков.

Пользуясь тем, что она его еще не заметила, Рун напряг зрение, вглядываясь в детали. На земле перед девушкой валялось что-то длинное, цвета кости. Если бы через секунду

это что-то не пошевелилось, эльф бы считал это позвоночником какого-то существа. Но оно двинулось и стало ясно, что это хвост, с острым кончиком, напоминающим наконечник копья, с мерцающей багровым светом, сердцевинной.

Эльфийкой это существо нельзя было называть. Оно вообще не походило ни на одну известную Руну расу. Кроме человека. Люди были не более, чем детской сказкой или городской легендой, но Рун был романтиком и хотел верить в людей. И кажется, одна из них была прямо перед ним. Людinya, человекиня, или как там правильно называть самок людей, цепко держала алый кусок мяса и отрывала от него куски зубами. Рун не был вегетарианцем или особо впечатлительным, но вид голого человека, поедающего сырое мясо заставил его сморщиться от ощущения подступающего к горлу кома.

Руки у человека тоже были странными, не похожими на эльфийские. Начиная от локтей плоть расходилась и из под кожи проступали извивающиеся черные отростки, напоминающие жирных червей. И чем ближе к кистям, тем гуще становился покров. А пальцы представляли собой длинные когти. Они были больше похожи по цвету на хвост, нежели на когти на ногах. И они гнулись. Когти сгибались, когда человек перехватывал кусок мяса для нового укуса.

Но ни это, ни хвост, ни когтистые лапы не были тем, что до конца жизни запомнилось Руну. Этим стали глаза человека. Когда Рун не смог больше подавлять тошноту и издал пре-

дательский звук, выдавший его, человек повернула к нему голову. Её сияющие насыщенным фиолетовым цветом глаза навсегда остались в воспоминаниях эльфа.

Когда их взгляды встретились, время для Руна почти остановилось. Без надежды, он сделал шаг вперед, выходя из своего укрытия, с поднятым к груди жезлом. Может он и не выживет, но сделает все для защиты города и друзей. Холодный пот стекал по щеке, а сердце стучало так громко, что заглушало даже тяжелое дыхание эльфа. Мгновение, и человек уже оказалась перед ним, заноса когтистую лапу для удара. Рун не моргал, но даже так не смог разглядеть движение человека.

Магия заструилась в его теле и наконечник жезла засиял ярче, готовясь к выбросу магии. Поляну залил нежный лиловый цвет эльфийской маны и прежде, чем Рун успел сформировать заклинание, человек оказалась на противоположном конце поляны. Она что, отпрыгнула от воздуха?

Рун был готов поклясться, что человек была в воздухе, когда тянулась когтями к его голове. Эльф в растерянности поднял глаза на дерево, куда запрыгнула человек и его руки безвольно повисли вдоль туловища.

Если бы сейчас человек захотела бы его атаковать, то он бы точно не среагировал бы. Но человек не атаковала. Её причудливые когти впились в ствол дерева. Плоская грудь, без намека на привычные бугорки или соски, вздымалась от тяжелого дыхания, а глаза были расширены. Она... боит-

сы? Существо настолько быстрое и смертоносное. Бойтся? Её взгляд дрожал, но она неотрывно следила за эльфом. Рун шевельнул рукой, намереваясь поднять её для приветствия, но человек дернулась и вся оцетинилась этими черными отростками. Они покрыли её руки плотным слоем, проступив даже на шее и плечах.

Рун медленно опустил руку, следя за тем, как извивающийся покров человека исчезает под кожей. Как её пугающие когтистые лапы превращаются в хрупкие девичьи руки. Человек несколько раз тряхнула головой, заставив Руна напрычаться, но, вместо того, чтобы напасть, человек оттолкнулась от ветви, на которой сидела и исчезла в глубине леса.

Когда взгляд пронзительных глаз наконец перестал ощущаться, Рун обессиленный упал на землю, выронив жезл. Пот стекал по лбу и вискам толстыми ледяными каплями, а сердце билось так быстро, что вот-вот бы остановилось. Ноги и руки наполнились ватой и эльф бы не сумел ими пошевелить, даже если бы очень хотел. Тело покачнулось и стало медленно заваливаться назад.

В этот момент что-то внутри надломилось и упав, эльф громко рассмеялся. Его не волновало возможное возвращение человека. Его не пугали дикие звери или бандиты. Он смеялся, смеялся, пока последние силы не покинули его тело. Вплоть до рассвета он лежал на этой поляне, иногда оглашая лес смехом.

Человек! Люди и правда существуют! Что же это, если

не человек? Она была одновременно похожа на отродье Бездны, на эльфа и на звероморфа. Прямо как в сказках! От пережитого стресса и бессонной ночи сознание Искателя помутилось. Он отрывочно помнил, как выбрался из леса, как напугал своим видом городских стражников у ворот, как несколько раз дергал не в ту сторону дверь в постоянный двор и как он рухнул на кровать.

Эльф провалился в забвение, но даже в забытие беспмятства его продолжали преследовать те фиолетовые глаза. Слишком разумные для животного. Слишком человеческие для чудовища. Он несколько раз просыпался, бормоча под нос что-то невнятное. Лишь на следующий день он смог проснуться. И первое, что он увидел, было бледное лицо Альвейн и не менее напуганного Эльтурана.

Глава 2

Когда дверь за парнями захлопнулась, Альвейн наконец смогла расслабиться и выдохнуть. Они оба были мастерами в своем деле. Рун мог найти следы даже на голых камнях, а Эльтуран был храбрым воином. Пожалуй, лучшим из воинов Гильдии в городе. Они пользовались уважением среди горожан и глав основных организаций. Альвейн постояла несколько секунд, собирая мысли.

— Но какие же они безответственные дети! — Кулаки сами опустились на стол. Дерево жалобно скрипнуло — в удар невольно влилось немного маны. Альвейн тут же поморщилась и провела ладонью над трещиной, быстро вычерчивая в воздухе отточенными движениями формулу починки. Дерево мягко сомкнулось, будто ничего и не происходило. Она глубоко вдохнула и шумно выдохнула, пропуская набранный в грудь воздух, через плотно сжатые зубы.

Шторы колыхнулись от порыва весеннего ветра, впуская в комнату свежий воздух. Альвейн на мгновение закрыла глаза и подставила лицо прохладе. Раздражение постепенно улеглось, уступая привычному рабочему настрою.

Проблема была не в их талантах. Проблема была в дисциплине. Они оба гении в том, чем занимаются. И также они гении в наведении бюрократического беспорядка!

Конечно она была недовольна тем, что в очередной раз

вынуждена подчищать за парнями. Она снова посмотрела на стол. Пергаменты лежали неровной стопкой. Верхний лист был исписан знакомым почерком.

У Руна был красивый почерк. Альвейн машинально провела пальцами по строчкам, повторяя изгибы букв. Каждая петелька была выведена аккуратно и уверенно, словно он писал не отчёт, а любовное письмо. Но то, что он пишет настолько красивым почерком... Альвейн пробежала глазами по строчкам.

Первое: Описание трясогузок.

Второе: Незаконченный стих о свободе ветра.

Третье: “подозрительно мудрая белка”.

— Болван. Еще и на Эла дурно влияет. — Перо снова коснулось бумаги. Альвейн начала переписывать отчёт, привычно превращая хаотичный поток мыслей Руна в аккуратный официальный текст. Она вычеркивала ненужные литературные обороты, превращая балладу о красоте природы в сухую выжимку фактов и наблюдений. В отчетах, как и магии, важны структура и порядок. А красоту эмоций она оставит стихийникам.

Мужчины, подумала она, даже спустя пятьсот лет остаются мальчишками. Рун, по крайней мере, точно. Впрочем... он всегда был таким.

Она помнила их знакомство с Руном, будто это было вчера. А ведь то было, без малого, пятьсот лет назад. Тогда она только-только получила мантию Магистра в Башне. И была

прислана в подающий надежды пограничный город для контроля местных магов и построения сотрудничества с Гильдией на месте. Её встретил он. Рунсэней Энсатра. Тогда еще новичок в Гильдии, но уже удостоившийся чести принять участие в основании города. И не абы где, а на границе с Империей.

Но хорошее впечатление о нем быстро отступило, стоило ей провести в компании Руна чуть больше времени. Этот юноша, едва разменявший вторую сотню лет, фактически ребенок, был пугающе талантлив, когда дело касалось того, что ему было интересно. Он мог проводить дни и недели, записывая особенности поведения трясогузок, или перебирать способыготовки лесных грибов. Но стоило встать вопросу об отчетах, как Рун сыпался.

Его отчеты напоминали скорее поток сознания или откровение шаманов Хери-Хеб. Там и радостный мох и благосклонная почва и даже обидчивый ветер. Девушка на всю жизнь запомнила один из отчетов, рассказывающих о его философских дебатах “о смысле вселенной, жизни и всего такого” с лягушкой. Нынешняя Альвейн лишь улыбнулась. В тех дебатах победила, несомненно, лягушка. Но у молодой и гораздо более нервной Альвейн подобное пренебрежение перед отчетами подобные выходки вызывали натуральные приступы гнева.

Альвейн отложила перо и только тогда поняла, что последний лист уже переписан. Подобная рутина стала на-

столько привычной, что Альвейн могла написать отчет за Руна еще до того, как он вернется с задания, примерно догадываясь, что он напишет в бумагах.

Она сложила отчеты в аккуратные стопки и, забрав их, покинула постоялый двор. День был в самом разгаре. И безалаберного брата было еще рано забирать. Он тоже был источником постоянных нервов для старшей сестры. И ведь он не был таким, до знакомства с Руном! Он был покладистым и ответственным солдатом. И таким милым мальчиком.

Ноги сами донесли Альвейн до дверей Гильдии. Здание встречало её привычным гулом. Где-то спорили исследователи, шуршали свитки, скрипели перья. Пахло чернилами, старой бумагой и чем-то ещё, неуловимым, что сопровождало любое место, где эльф, да и не только пытались систематизировать знания. Она толкнула дверь и шагнула внутрь.

В холле было оживлённо. У стойки толпилось несколько эльфов в дорожной одежде, похоже, свежая партия исследователей вернулась из экспедиции. Они оживлённо жестикулировали, перебивали друг друга, пытаясь одновременно рассказать о своих находках. Молодой эльф-регистратор за стойкой отчаянно пытался записывать, но получалось у него плохо.

Альвейн скользнула взглядом по толпе и направилась к боковой стойке, где сегодня дежурила Лиора. Медведица сидела за высоким столом, специально подогнанным под её рост, и сосредоточенно выводила какие-то каракули в тол-

стом журнале. Язык её слегка высунулся от усердия, а одно ухо то прижималось к голове, то настораживалось, когда мимо проходили члены Гильдии.

Альвейн помедлила. Лица не-эльфов всегда давались ей с трудом — черты казались слишком крупными, пропорции непривычными. Но медведицу она запомнила. Во-первых, потому что та работала здесь уже несколько месяцев. А во-вторых... сложно забыть того, кто выше тебя на две головы даже сидя.

— Аля! — Лиора подняла голову, и её морда расплылась в радостной улыбке.

— Здравствуй! Принесла отчёты?

Альвейн поморщилась. Опять это дурацкое сокращение. Она понимала, что дарканы не особо разбираются в эльфийских именных тонкостях, но каждый раз, когда её называли «Алей», внутри что-то неприятно дёргалось.

— Пожалуйста, не нужно так сокращать моё имя... Лиора, — она наконец отыскала взглядом табличку с именем. Медведица тут же сникла, уши прижались к голове.

— Тебя так все здесь называют. Вот я и подумала...

Альвейн почувствовала укол совести. Лиора, несмотря на свои внушительные габариты, была удивительно ранимой. Она вздохнула и постаралась смягчить голос:

— Всё в порядке. Просто «Аля»... это слишком интимное сокращение. Можно называть меня Вейн.

— Запомнила, Вейн! — уши медведицы снова распрями-

лись, и она заулыбалась.

— Ну так что там с отчётами?

Альвейн аккуратно положила стопку пергаментов на стол. Лиора взяла верхний лист, поднесла к глазам, близоруко щурясь, и принялась изучать.

— Ого, красиво как написано, — восхищённо протянула она.

— Это ты сама?

— Нет, — Альвейн позволила себе лёгкую усмешку.

— Это Рун писал. Я переписывала.

— А, тот странный эльф, который вечно в лес бежит? — Лиора отложила лист и взяла следующий.

— Я его видела пару раз. Он всегда такой... — она замялась, подбирая слово,

— ...взъерошенный? И улыбается чему-то своему.

— Это он и есть.

— А почему ты за него переписываешь? Он что, сам не умеет?

— Умеет, — Альвейн вздохнула.

— Просто его отчёты больше похожи на... поэмы. Или дневники наблюдений за белками. Гильдии нужно сухое изложение фактов, а не «подозрительно мудрая белка».

Лиора захихикала, прикрывая рот лапой. Получилось не очень. Лапа была огромной, и звук вышел приглушённо-булькающим.

— Подозрительно мудрая белка! Это же смешно!

— Гильдия не смеётся, — сухо заметила Альвейн.

— Гильдия требует точности.

Медведица посерьёзнела, но в глазах её всё ещё плясали смешинки. Она принялась раскладывать отчёты по разным стопкам, ловко орудуя когтями.

— Магистр Валарион на месте? — спросила Альвейн, заполняя форму.

— Хранитель Границ отбыл прошлым утром вместе с Арканистом.

Альвейн нахмурилась. Это было странно. Талмирион и Лоратиэль редко работали вместе. Слишком разные подходы. Первый видел угрозу во всём неизвестном, второй стремился это неизвестное упорядочить и запереть в клетку. Чтобы они куда-то отправились вдвоём...

— Это связано с Башней? — осторожно спросила она.

— Не могу сказать, — Лиора развела руками, и этот жест выглядел почти комично, будто медведица пыталась изобразить эльфийское сожаление.

— Мне не докладывают. Я только бумажки перебираю.

Альвейн задумчиво постучала пальцем по столу. Эл вчера обмолвился, что в Башне что-то готовится. Теперь эти двое уехали вместе. Совпадение? Вряд ли.

Она быстро дописала форму и протянула её Лиоре. Медведица взяла лист, поставила печать и ловким движением отправила в ящик с исходящими.

— Готово, Вейн!

— Спасибо, Лиора.

Альвейн развернулась и почти вылетела из Гильдии, даже не попрощавшись. Мысли лихорадочно метались. Надо найти Эла. И Руна. Срочно.

Лиора проводила её грустным взглядом.

— Я её чем-то обидела? — спросила она у пустоты.

Из-за спины медведицы появился старый эльф, тот самый, что часто сидел в архиве. Он ласково похлопал Лиору по руке, не сумев дотянуться до плеча.

— Не беспокойся. Она всегда такая. Вечно думает обо всём сразу. Ей бы поучиться у брата — тот хоть иногда отдыхать умеет.

— Я слышала, она часто жалуется на брата и на того странного эльфа.

— Жалуется, — эльф усмехнулся, поглаживая седую бороду.

— Но она их любит. Потому и старается. Знаешь, как это бывает? Когда дорожишь кем-то, готов горы свернуть. А если эти кто-то ещё и вечно в неприятности лезут... — он развёл руками.

— Тут хочешь не хочешь, а будешь за всеми прибирать.

Лиора задумчиво кивнула и снова уткнулась в свои бумаги.

А эльф проводил взглядом дверь, за которой скрылась Альвейн, и тихо добавил, уже себе под нос:

— И, похоже, скоро ей придётся прибирать за ними боль-

ше обычного. Чует моё старое сердце, грядёт что-то... неспокойное.

Альвейн оказалась у подножия Башни Корделии быстрее, чем ожидала.

Каменная громада поднималась над городом, словно вытянутая к небу игла.

Даже снаружи ощущался слабый гул — мана текла сквозь стены Башни так же естественно, как ветер между её шпилями.

Конечно, Башня стоит близко к Гильдии, но Альвейн по привычке огибала шумные улицы. И обычно путь занимал около часа. Влив ману в замок, Альвейн дождалась, когда дверь откроется и вошла. Атмосфера Башни разительно контрастировала с Гильдией или любым другим местом в городе. Мана буквально звенела в воздухе. Всюду спешили эльфы и дарканы в мантиях.

Один ученик пытался удержать в воздухе распадающуюся рунную формулу, другой спорил с наставником над дымящимся алхимическим сосудом. В коридорах вспыхивали бледные руны, незаконченные заклинания медленно вращались в воздухе, словно прозрачные механизмы, а по полу скользили светящиеся линии защитных формул.

Эльфийка бросила короткое “здравствуй” знакомому магу, стоящему за стойкой, и прошла во внутренние помещения. Спиральная лестница поднималась внутри башни, уходя в полумрак. На стенах мерцали старые рунические над-

писи. Напоминания о магах, чьи имена уже давно стали историей.

По лестнице она взлетела, словно подгоняемая ветром и остановилась только у тяжелой каменной двери, украшенной драгоценными металлами и камнями. Тяжелая каменная дверь была покрыта узором из серебра и старых рун.

Каждая из них принадлежала одному из магистров Башни. Поправив одежды, она коснулась холодной каменной двери, направляя поток маны в нее. На одной из створок двери мигнул танзанит, узнав её ману, и дверь с грохотом начала открываться. Альвейн шагнула внутрь.

Зал был круглым и высоким, словно колодец, уходящий вверх к далекому куполу. Вдоль стен стояли семь трибун, украшенных цветами факультетов. Над каждой возвышался каменный трон. Во время заседаний и слушаний, на них восседают Магистры. Альвейн бросила взгляд на трон, украшенный двумя совами, символами мудрости и знаний. Её трон. В обычные дни здесь кипели споры, вспыхивали заклинания и решались судьбы городов. Но сегодня зал был пуст.

Ни звуков шагов, ни голосов. Лишь эхо от её собственного дыхания, уносящееся ввысь, к куполам.

— Ну да. Чего я ожидала. — тихо сказала она, выходя из кабинета. На мгновение она остановилась на пороге. Что-то в этой тишине казалось неправильным. Будто оставалось какое-то незаконченное дело, не отпускающее её из зала. Но она сделала шаг вперед и дверь за её спиной закрылась с ти-

хим гулом, отрезая её от тишины зала, возвращая в шумную башню.

Как и она сама, другие Магистры тоже на месте не сидели, вечно где-то пропадая, изучая, создавая, открывая. Дверь за спиной Альвейн закрылась и она прислонилась к ней, бесцельно смотря в пустоту перед собой. Что-то внутри говорило ей, что происходит что-то плохое. Нужно готовиться.

Рун и Эл уже, наверняка доставляют кому-то проблем. Лучше найти хотя бы одного из них до того, как они натворят дел. И до того, как стемнеет. В том, что Рун вернется она не сомневалась. А вот пьющего с самого утра брата стоило найти.

Сделав шаг к лестнице, Альвейн бросила взгляд на портреты магистров. Каждый из них был её товарищем и другом. Столетиями они поддерживают друг друга. Но именно сейчас никого из них не оказалось рядом. Сognaв апатию и печаль, эльфийка направилась к выходу из башни.

Она остановилась у выхода из Башни и, вместо того чтобы покинуть её, развернулась и быстро зашагала обратно, в сторону восточного крыла.

Туда, где находились личные лаборатории.

Коридоры восточного крыла были уже не такими парадными, как главный холл. Здесь гуляли сквозняки, магические светильники мигали чаще — наверное, очередной эксперимент где-то поблизости тянул лишнюю энергию. Альвейн толкнула дверь, даже не постучав.

— Веларис. Ты здесь?

В лаборатории царил полумрак. Единственным источником света служил большой хрустальный шар, внутри которого медленно вращались серебристые нити — вириалы в чистом виде, сплетённые в сложнейшие узоры. За столом, заваленным свитками и непонятными приборами, сидела сутулая фигура в чёрной мантии. Седые волосы рассыпались по плечам, а глаза — тёмные, с серебристыми крапинками — поднялись на вошедшую с выражением лёгкого раздражения.

— А тебя не учили стучаться, Альвейн? — голос Веларис звучал тихо, но в нём чувствовалась та особая интонация, от которой у учеников подгибались колени. На Альвейн это давно не действовало.

— Учили. Но я знала, что ты меня всё равно услышишь, даже если я войду бесшумно.

— Лесть не работает. — Веларис махнула рукой, и одна из нитей внутри шара послушно перестроилась.

— Что случилось?

Альвейн подошла ближе, оперлась руками о край стола.

— Ты знаешь, где Талмирион и Лоратиэль?

Веларис медленно подняла на неё взгляд. Несколько секунд они смотрели друг на друга в тишине, нарушаемой лишь тихим гудением магии.

— Знаю. — Веларис откинулась на спинку стула. — Но тебе это не понравится.

— Мне и так не нравится.

— Они в столице. Вернутся через пару дней.

Альвейн замерла.

— В столице? Вдвоём? Зачем?

— Официально — визит почтения верхам. Неофициально... — Веларис помедлила, поглаживая край стола.

— Думаю, ты и сама догадываешься.

— Рун.

— Рун. — кивнула Веларис.

— Точнее, его отчёты. Или их отсутствие. Талмирион уже полгода собирает досье. Говорит, что наш чудак-исследователь слишком много себе позволяет, а Совет закрывает глаза из-за былых заслуг.

— Это неправда...

— Это политика, Альвейн. — Веларис усмехнулась уголком губ.

— Правда тут ни при чём. Талмириону нужен показатель. Пример того, что даже легенды должны подчиняться правилам. Или... — она сделала паузу.

— Или их нужно заменять.

Альвейн почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Ты говоришь так, будто они уже всё решили.

— Я говорю так, потому что знаю Талмириона. Он не собирает доказательства, чтобы потом их обсуждать. Он собирает их, чтобы предъявить. А Лоратиэль... — Веларис покачала головой.

— Он всегда был на стороне порядка. Даже когда порядок становится жестокостью. В лаборатории повисла тишина. Хрустальный шар мягко пульсировал, переливаясь серебром.

— Что мне делать? — спросила Альвейн тихо.

— А что ты можешь? — Веларис пожала плечами.

— Предупреди Руна. Пусть ведёт себя тихо, сдаёт все отчёты вовремя, не высовывается. Хотя ты же знаешь его. Это бесполезно.

— Спасибо, Веларис.

— Не за что. — Веларис уже снова уставилась в свой шар.

— И, Альвейн... будь осторожна. Ты тоже на виду. Если они решат, что ты покрываешь друга, тебя тоже могут привлечь.

— Я знаю.

— Тогда иди. И, ради Кардеи, не дай брату снова вляпаться в драку. У меня нет сил перевязывать его после каждой стычки.

Альвейн улыбнулась, выходя. Ей было спокойнее от мысли, что она не одна. И что есть те, кто поддержит её и поможет в нужную минуту. Воодушевленная, она почти дошла до выхода, когда её окликнул знакомый голос.

— Магистр Чиясатра! Пойдите!

Альвейн обернулась. По коридору бежал молодой эльф, запыхавшийся, с растрёпанными волосами и пачкой свитков под мышкой. Один из её учеников, кажется, с факультета Со-

вы. Альвейн мучительно напрягла память.

— Терен? — наугад сказала она.

— Терен, — обрадованно подтвердил парень, подбегая.

— Магистр, я хотел спросить... у меня никак не получается формула седьмого уровня. Ну, та, с двойным вириалом. Я уже три дня быюсь, а она распадается на третьей секунде.

Альвейн вздохнула. Ученики, отчёты, брат, Рун, магистры, заговоры — всё смешалось в голове в один большой комок. Но она взяла себя в руки.

— Покажи.

Терен развернул один из свитков и ткнул пальцем в сложную схему. Альвейн пробежала по ней взглядом, и через секунду указала на ошибку.

— Ты перепутал порядок плетения. Сначала ускоряющий вириал, потом усиливающий, а не наоборот. Иначе они конфликтуют и разрывают структуру. Понял?

— Да! — глаза Терена загорелись.

— Спасибо, магистр! Я побежал пробовать!

— Беги.

Парень умчался так же быстро, как появился. Альвейн покачала головой. Молодые, горячие, наивные. Интересно, она сама когда-то была такой же? Наверное, да. Пятьсот лет назад.

Она медленно пошла по коридору к выходу. Шаги гулко отдавались в тишине, но теперь эта тишина не давила — скорее, позволяла собраться с мыслями. Веларис права: Талми-

рион не отступится. Если он уже полгода собирает досье на Руна, значит, дело не в отчётах. Дело в принципе. И Лоратиэль, со своим маниакальным стремлением к порядку, станет на его сторону.

Альвейн толкнула тяжёлую дверь и вышла на крыльцо. Вечерний воздух ударил в лицо прохладой, вышибая остатки духоты Башни. Ветви деревьев на площади мягко шумели, где-то вдалеке перекликались стражники, меняющиеся на посту. Она остановилась на мгновение, прикрыла глаза и позволила себе просто вдохнуть, без мыслей об отчётах, о брате, о Руне.

Пахло сырой землёй, цветущим жасмином из чьего-то палисадника и дымом из печных труб. Где-то за углом рассмеялась женщина, ей ответил низкий мужской голос. Обычный вечер в Мэнетиле.

Мысли о заговоре никуда не делись, они просто осели где-то глубоко, ровным слоем тревоги. Но теперь у неё был план. Сначала найти брата. Потом поговорить с Руном. А там... там будет видно. Альвейн открыла глаза и зашагала в сторону трактиров. Вот только одни лишь боги знали, в каком из сотни кабаков ей искать Эльтурана.

Она миновала лавку Финделя, уже закрытую, с наглухо заколоченными ставнями. Прошла мимо кузницы, где ещё светился огонь и слышались ритмичные удары молота. Заглянула в «Трёх дрейков» где тоже было пусто, только сучающий трактирщик протирал кружки. Заглянула в «Спящего

великана», там было шумно, но среди пьяных лиц мелькали только дарканы и пара дворфов, никаких знакомых ушей.

Она уже начала терять надежду, когда впереди показалась знакомая вывеска, крючок и капля мёда, мерцающие в свете магического фонаря. «Медовый Крюк».

Альвейн остановилась. Из-за двери доносился приглушённый гул, взрывы смеха, звон кружек. Она представила брата: сидит где-то внутри, окружённый пропахшими потом и табаком наёмниками, пьёт и травит байки. И Рун, наверное, тоже где-то здесь... или уже в лесу? Мысли снова спутались.

Она положила ладонь на дверь, чувствуя сквозь дерево вибрацию голосов, и толкнула её.

Глава 3

Едва успел он вытащить Руна из комнаты, волоча его за шкурку, как нашкодившего котенка, как за спиной захлопнулась дверь. Элу даже показалось, что сестра решила выместить всю подавленную злобу на двери. Рун уже спускался вниз, накидывая на плечи захваченный по пути дорожный плащ. Эльтуран бросил полный сочувствия взгляд на дверь и поспешил за другом. Сочувствовал ли он занятой сестре, вынужденной переделывать за друзьями отчеты, или мебели в комнате Руна, которой, очевидно, еще достанется. И дверь была лишь первой жертвой разгневанной Альвейн.

— Ну что ж. Раз нас всё равно выгнали... может зайдём к торговцам? Лорсан привёз новую бочку из Империи. Говорят, она может убить даже тролля. — спросил Эл, нагнав друга уже на первом этаже постоянного двора, поймав на себе осуждающий взгляд хозяйки.

— И пропустить утро в Месяц Цветущих Ветров? Нет уж. — отмахнулся Рун.

— Ты странный, — заметил Эльтуран.

— Я исследователь.

Парни распрощались на крыльце постоянного двора и разошлись в разные стороны. Краем глаза Эльтуран заметил, как полы плаща Руна мелькнули за поворотом в сторону торгового квартала. Если он все равно собирался туда - мог бы и

компанию составить! Эл был возмущен ветренностью друга и тихо возмущаясь себе под нос, пошел своим путем.

— Ну что ж. — пробормотал он себе под нос, поправляя перевязь с мечом.

— Раз я остался один... пойдём искать приключений на одно место.

Он не спеша побрёл в сторону торгового квартала. Улицы Мэнетиля постепенно наполнялись утренним гомоном: лавочники открывали ставни, возчики переругивались у застав, где-то за углом зычно ругалась торговка рыбой. Эльтуран любил этот город за его вечный, неуёмный шум. В отличие от Руна, который мечтал о тишине лесов, и сестры, желающей во всем видеть порядок и холодную последовательность, Эльтуран находил странное успокоение в эльфийской суете. Она напоминала, что мир живёт, дышит и прекрасно обходится без его участия.

Пройдя немного дальше, его ухо уловило паршиво знакомый звук нарастающего конфликта. Эльтуран устало вздохнул, будто он уже неделю впахивал на лесозаготовках, без сна и отдыха. Подобные бытовые конфликты так утомляют.

Эльф кинул взгляд в сторону шума и увидел, как на даркана тигрицу кричит, размахивая руками, какой-то подвыпивший придурок.

— Ну и ну. Еще не все позавтракали, а кто-то уже навеселе. — флегматично, почти безразлично пробубнил он, но изменил направление движения и сейчас приближался к кон-

фликтующим. Про себя он с удивлением подметил, что ожидал более пылкой защиты со стороны тигрицы. Но девушка только извинялась, смотря в землю, едва не плача. Пьяница, видимо, наслаждался тем, что она не может ему ответить и то и дело, махая руками, толкал её или, якобы случайно, ударял тыльной стороной ладони.

Скулы Эльтурана свело, но он даже не обратил внимания. И когда пьяный эльф вновь занес руку, но уже сжатую в кулак, Эльтуран будто вырос между ним и тигрицей, схватив запястье пьяницы.

— Ну-ну, такое замечательное утро, зачем так шуметь и руками махать, пострадать кто может. — доброжелательно сказал Эл, прикрывая своим телом тигрицу, еще больше сжавшуюся при его появлении.

— А ты ещё кто такой, мать твою? — выплюнул пьяница. Эл поморщился. Плюнул этот мужик не только словами.

— Эльтуран, очень приятно. Как ты смотришь на то, что бы мы оставили в покое эту милую леди и опрокинули бы по пинте светлого в ближайшем кабаке?

— Эта сука убить меня пыталась! Видишь?! — эльф показал Эльтурану небольшую царапину на руке. Больше напоминающую ссадину от удара об тумбочку, чем на рану. Эл вопросительно приподнял бровь.

— Вроде ты агрессивуешь на даркана, а не на еловый пенёк, дружище. — Эл сжал руку и пьянца, застонав от боли, припал на колено, пытаясь разжать пальцы Эльтурана, но

они словно каменные, не двинулись ни на дюйм.

— Понимаешь. Терпеть не могу, когда кто-то ублажает свое самолюбие за счет тех, кто не может дать сдачи. — как ни в чем не бывало, продолжал Эл, будто не замечая, как синееет кулак пьяницы в его захвате.

Тот издавал какие-то нечленораздельные вопли, угрожал заделать Эльтурану пару братиков с его матерью и вообще, что уши у него короткие. Сам Эл будто не замечал брани, вещая куда-то в пространство про “сильных и слабых”. Но стоило пьянице потянуться к ножу на бедре, как в его горло уперся кончик меча Эльтурана.

— Не советую, дружище. начнешь махать ножом, так и я начну. Не приведи Богиня, еще попадем в кого. Крови столько будет! А я крови боюсь, вообще-то. — в этот момент к ним уже приближались стражники и Эл соизволил отпустить руку пьяницы.

— Бузотеришь с самого утра, Эл? — спросил подошедший к нему капитан патруля.

— Я? Да за кого ты меня принимаешь, Элронд!

— За излишне честолюбивого пьяницу с шилом в гузне.

— Справедливо. Мне нечем защищаться. — поднял Эл руки в примирительном жесте и они со стражником рассмеялись.

— Спасибо за бдительность, Эл. С меня выпивка. — хлопнул его по плечу стражник и, забрав пьяницу, удалился.

— Не сомневаюсь. — ответил он им вслед и повернулся

к тигрице, но благодарной дамы уже и след простыл.

— Ах, прекрасный рыцарь, спасибо за мое спасение! — пародируя принцесс из сказок, томно прошептал Эл и усмехнулся. Он и не ждал благодарности, но было бы приятно получить хотя бы платочек. Пожав плечами, он лишь поразился скорости, с которой сбежала девушка и двинул дальше.

Вскоре он свернул в знакомый переулок, где уже издали слышался стук кружек и гул голосов. «Медовый Крюк» был таверной, принадлежащей одноимённой торговой ассоциации, была местом особым. Сюда заходили не просто выпить, а узнать последние новости, заключить сделку или просто послушать байки бывалых путешественников. Вывеска с крючком и каплей мёда слегка покачивалась на ветру, обещая цены, которые «цепляют как крючком», и скидки, «сладкие как мёд». Эльтуран хмыкнул: реклама, конечно, врала, но пиво здесь и правда было отменным.

Внутри таверна гудела, как растревоженный улей. В прокуренном зале смешались запахи жареного мяса, свежего хлеба, дешёвого табака и крепкого алкоголя. За длинным столом у окна расположилась компания наёмников. Трое дарканов, пара эльфов и один мрачный гном, чья борода была заплетена в косички с медными кольцами. Редкость, как среди наемников, так и в стране эльфов.

Чуть дальше, за отдельным столиком, двое торговцев в расшитых жилетах о чём-то горячо спорили, размахивая свитками. В углу какой-то пьяный детина в обнимку с круж-

кой пытался петь, но получалось у него плохо, и соседи периодически швыряли в него огрызками. Что, казалось, лишь подогревало пыл местной дивы и очередной куплет начинал звучать еще громче и фальшивее. Эл оценивающе осмотрел громилу и представил, как сестра чихвостит его за неправильно взятые ноты и сбитый темп песни. Аж на душе полегчало.

Эльф направился к стойке, за которой привычно орудовал Лорсан. Старый торговец сегодня сам взялся за разлив. Видимо, помощник не вышел на работу. Трактирщик заприметил своего завсегдатая еще с порога, но только когда Эльтуран приблизился, поднял на него прищуренные глаза. В такие моменты он напоминал хитрого лиса. Даже волосы отдавали каким-то красноватым оттенком.

— Ба! Кого я вижу. Уж не мой ли это мальчик Эльтуран? — радостно воскликнул он, раскидывая руки, будто собираясь обнять гостя. Правда, он чуть не залепил грязной тряпкой, которой Лорсан старательно вытирал жирное пятно на стойке, сидящему рядом эльфу. Тот нахмурился и бросив трактирщику что-то вроде “смотри чем машешь”, отсел подальше.

— И тебе не хворать, Лорс. — ответил Эл, поднимая руку в ответ на приветствие.

— А я думал ты хотя бы в компании дружка придешь. Сестрицу твою уж и не надеюсь увидеть на своем веку.

— Рун сбежал в лес, Альвейн рвёт и мечет над отчётами,

а я... — Эльтуран плюхнулся на высокий табурет и красноречиво постучал пальцем по стойке.

— Я решил, что лучший способ пережить этот день — налить в себя чего-нибудь покрепче.

Финдель понимающе посмеялся, ловко выхватывая деревянную пинту из под стойки и наливая в нее темное пенное.

— Держи. Это из Империи, с южных предгорий. Говорят, его варят по старым рецептам, ещё до того, как дарканы научились торговать без драк.

Эльтуран с недоверием покосился на напиток. Даже пена у него была слишком темной. Но, если в чем и можно было быть уверенным — это в качестве местного алкоголя. Эльтуран сделал глоток. Пиво оказалось густым, чуть сладковатым, с лёгкой горчинкой. Он одобрительно кивнул.

— Недурно.

— Обижаешь, мальчик мой. Я хоть раз в жизни наливал тебе отвратное пойло?

Эльтуран посмеялся, покачивая кружкой в руке. Слишком много примеров приходило на ум. Лорсан, кажется, тоже это понял и попытался соскочить с темы.

— А сестрица твоя, Эл...

— Рун опять опростоволосился с бумагами. Вот она и прибирает за ним. — Эльтуран посмеялся и допил напиток, пододвигая кружку к бармену. Тот моментально долил ещё.

— Ты знаешь что он написал?

— И что же?

— Что в лесу водится подозрительно мудрая белка! — выпалил Эльтуран и рассмеялся. Лорсан криво усмехнулся и покачал головой.

— Не доведет это его до добра...

— Что ты имеешь ввиду? — напрягся Эльтуран, бросив ледяной взгляд на бармена. Тот огляделся и приблизился к парню. Оперевшись на стойку, он свесился к Элу.

— Доходят слухи, что в Совете Гильдии им недовольны. Серьёзно недовольны.

— Да ладно, — Эльтуран усмехнулся, но как-то неуверенно.

— Руна все любят. Он же легенда.

— Легенда, — согласился Лорсан.

— Но легенды тоже иногда начинают мешать. Говорят, магистр феноменологии, этот... Талмирион Эстеллар... — Он понизил голос до шёпота.

— Он считает, что Рун скрывает какие-то данные. Не сдаёт отчёты вовремя. Ну, это не новость, но теперь он настаивает, чтобы Руна отстранили от полевых работ. Или даже понизили.

Эльтуран поперхнулся пивом.

— Чего? Эстеллар? Да он же вечно чем-то недоволен. Это его работа — видеть опасность во всём.

— Может и так, — Финдель пожал плечами.

— Но он не один. Лоратиэль Валарион, магистр сохранения, тоже считает, что Рун ведёт себя безответственно. Что

он слишком много времени проводит в лесу, а отчёты за него пишет Альвейн. И что если бы не вы двое, его бы давно уже... Финдель провёл пальцем по горлу.

Эльтуран поставил кружку. Внутри поселился неприятный холодок. Он знал, что Рун не ангел. Знал, что тот вечно влипает в истории. Но чтобы магистры всерьёз заговорили о понижении? Это было ново. И тревожно.

— Откуда такие подробности? — спросил он, стараясь сохранить спокойный тон.

— А ты думаешь, у кого самые длинные уши в городе? — Финдель хитро прищурился.

— У торговцев. Мы слышим всё. Вот, например, — он кивнул в сторону спорщиков за отдельным столиком.

— Эти двое вчера продавали партию редких реактивов магистру Талмириону лично. И тот, пока выбирал товар, ворчал, что Гильдия развела бардак, что пора наводить порядок, и что такие, как Рунсэнь, дискредитируют само понятие исследователя.

— Он так и сказал?

— Да пусть меня Бездна прямо тут заберет, если я вру, мой мальчик.

Эльтуран сжал кружку так, что костяшки побелели. Мысли лихорадочно заметались. Рун сейчас в лесу, ищет приключений. Альвейн сидит над отчётами. А Совет уже точит на них зубы. Надо предупредить. Но кого? Альвейн и так на взводе, а Рун... до него не достучишься. Эльтуран задумал-

ся, отбивая дробь по столу.

Лорсан заметил беспокойство друга и быстро окинув взглядом трактир, кивнул в сторону разношерстной компании, откуда в тот же момент раздалось:

— Эй, Эльтуран! Ты чего там скис? Иди к нам, выпей с нормальными мужиками! — за столом наёмников было шумно и тесно. Кто-то стучал кружкой в такт песне, кто-то спорил о цене на шкуры, а в углу уже храпел уткнувшийся лицом в столешницу детина. Пахло жареным луком, дешёвым табаком и прелым сеном, которое тащили с улицы на сапогах.

Это был Круг, здоровенный детина с рогами, длинными тёмными волосами, заплетёнными в косички. Он говорил, не выпуская кружки из рук, и жестикулировал ею так активно, что пара капель тёмного пива брызнула на стол. Тифлинг, каких поискать: красная кожа, жёлтые глаза с вертикальными зрачками и неизменная широкая ухмылка. Он служил в отряде наёмников «Бродячие Псы» и был частым гостем в «Медовом Крюке».

— Я бы присоединился к ним. — сказал Лорсан, протирая и без того чистую столешницу.

— Мало ли о чем пьяные наемники судачат. — Продолжил он мысль. Эльтуран молча согласился. Оставив рядом с опустевшей пинтой несколько медяков, он повернулся к наемникам и расплылся в широкой улыбке.

— Круг, Бездна меня разрази. Еще не сгинул, поганец!

— Я ещё на твоих похоронах спляшу, ушастый! — Круг утробно засмеялся, всем телом, отчего стул под ним жалобно скрипнул. Он поднялся, и они обнялись, как старые друзья после долгой разлуки — с хлопками по спине и довольным ворчанием.

— Смотрю, в твоём отряде пополнение? — спросил Эл садясь. Его взгляд был направлен на гнома.

— Ага. Торсон Громовой Молот, сын Трогвальда Громового Молота.

— Удивлен, что наследник рода подался в наемники. — подметил Эл, наконец разглядев гравировку на медных кольцах, украшающих бороду гнома. Кольца были старые, потускневшие, но рисунок читался ясно: три перекрещённых молота.

— Разбираешься? — гном поднял глаза и лениво огладил бороду, позвонев медными кольцами. Жест был собственнический, почти вызывающий.

— Немного. Как-то судьба занесла в Моринхейм. После пары побоев за неподобающее обращение решил выучить основы.

За столом грохнул смех. Торсон хмыкнул, удовлетворённо погладил бороду и, кажется, слегка расслабился.

— Ну, раз по морде получил, значит, не безнадёжен, — прогудел он.

— Будем знакомы.

— Какое же знакомство без выпивки? — вмешался Круг,

наполняя кружки гнома и эльфа ароматным медом.

— Не побледнеет твоя борода, гном. — Эл поднял кружку.

— Направит тебя ветер, Эльф. — гном ответил на жест и они стукнулись кружками, а после осушили их одним залпом. Отряд наемников взорвался радостным улюлюканьем и свистом.

— А ты говорил, что эльфы пить не умеют. — толкнул в бок гнома другой наемник. Это был звероморф люпус. Кажется волк. А звали его...

— Рэм дело говорит. — поддакнул Круг. Ну точно. Рэм.

— Как вообще ваши дела, народ? Давно вас не видел в наших местах. — Эл сделал ещё глоток мёда и откинулся на спинку лавки.

Наемники с радостью делились историями о своих похождениях. О том, какие, порой, наниматели скряги, о жарких ветрах песков на югах Империи, о разбушевавшемся драконе к северу от Пратты. Эл внимательно слушал, то и дело подливая мед в кружки наемников, то и дело задавая им вопросы, возмущаясь вместе с ними или рассказывая собственные истории. Кружки сменяли друг друга, на столе уже гремели игральные кости, а один из наёмников тихо сползал под лавку. Ближе к вечеру, когда таверна начала наполняться, Эл решил, что достаточно он уже разморил парней.

— Эй, Круг.

— М? — судя по перекошенному лицу, тифлинг уже был

достаточно пьян для разговора по душам, но недостаточно, чтобы потерять сознание. В отличии от большинства из их отряда.

— Я тут слышал, что Эстеллар что-то готовит.

— Этот то хмырь? Ага.

— Не слышал ли чего об этом?

Круг ответил не сразу. Даже по его перекошенному от опьянения лицу было видно, как внутри него идет борьба. В конце концов он вздохнул и качнул головой. Ничего не говоря, он схватил с тарелки в центре стола кусок мяса и, кивнув на дверь, встал из-за стола. Озадаченный Эл, слегка пошатываясь от количества выпивки, пошел следом. За ними увязался и гном, который, казалось, трезв как стеклышко.

Они вышли на улицу и Круг закурил какую-то вонючую самокрутку. Несколько минут они стояли в тишине, нарушаемой лишь приглушенным шумом из таверны, прежде чем тифлинг нарушил молчание.

— Слушай, Эл... Я не знаю. Я хочу тебе рассказать, но не уверен, что тебе следует это знать.

— Что ты имеешь ввиду? — Эльтуран часто видел Круга пьяным. Но что бы таким растерянным.

— Это касается Рунсэнэя. — Круг выдохнул эти слова вместе с дымом, и в его голосе Эльтуран услышал не просто пьяную откровенность, а что-то тяжёлое, настоящее. Он бросил окурок, растёр его ногой, но даже не взглянул на Эльтурана.

В груди у эльфа что-то оборвалось и рухнуло вниз, в самый живот.

— Что? — выдохнул он, делая шаг вперёд и хватая Круга за предплечье.

— Что значит - касается?

Круг выдернул руку, достал новую папиросу, но закурил не сразу. Секунду они стояли молча. Тифлинг смотрел куда-то в сторону, гном чертил руны на песке, а Эльтуран чувствовал, как сердце колотится где-то в горле.

— А в чем проблема? Нас не просили хранить тайну. — подал голос Торсон, не поднимая глаз от своих рун.

Круг глубоко затянулся, выпустил дым в небо и наконец посмотрел на Эльтурана. Взгляд у него был трезвый, хоть и мутный от выпитого.

— Мы работали на этого магистра пару месяцев назад. Охраняли караван из Империи с какими-то вонючими бутылками. — он сделал пару глубоких затяжек и продолжил.

— Мы тогда получали оплату, когда Рэм подслушал его разговор с другим магистром. Лоратиэль его звали.

— Магистр сохранения? — растерялся Эл. Он хорошо знал магистра Валариона. Но, видимо, только он так думал. Круг кивнул и продолжил.

— Всех деталей разговора мы не знаем. Но они обсуждали твоего дружка Руна.

— И... что они обсуждали? — Тишина повисла над ними, густая, как мёд в бочке Лорсана. Круг смотрел на тлеющий

уголёк, и Эльтуран видел, как подрагивают его пальцы. Гном перестал чертить символы и поднял голову.

— Он им мешает, — выдохнул Круг вместе с дымом. Слова упали в тишину, как камни в омут.

Эльтуран почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он машинально оперся плечом о стену таверны — холодная древесина отрезвила на секунду.

— Мешает? Чем?

— Да знал бы я! — Круг сплюнул на землю и раздавил папиросу каблуком с такой злостью, будто она была во всём виновата.

— Говорили про «безответственность», про «нарушения протоколов». Я не вслушивался, думал, не моё дело.

— Протоколов, — эхом повторил Торсон. Он поднялся с корточек и отряхнул руки.

— У гномов это слово обычно означает, что кому-то грозит изгнание или понижение. Или того хуже.

Эльтуран перевёл взгляд на гнома. Тот смотрел серьёзно, без обычной насмешки.

— Ладно уж, чего теперь орать друг на друга, — Торсон хлопнул Эльтурана по плечу.

— Пойдём ещё выпьем. А там уж разберёмся. Кровь не вода, утром виднее будет.

— Ты прав, — сухо ответил Эл.

Он вернулся в таверну, но шум, смех и запахи уже не цепляли. Он сел на своё место, взял кружку, отпил и понял, что

не чувствует вкуса. Перед глазами стояло одно: «Он им мешает». Круг и гном переглянулись за его спиной, но ничего не сказали. Несколько пинт Эл опрокинул молча, прежде чем напряжение отпустило его, давая волю эмоциям.

Несколько пинт Эл опрокинул молча, прежде чем напряжение начало понемногу отпускать. Алкоголь делал своё дело — мышцы расслаблялись, мысли перестали метаться загнанными зверями и начали течь лениво, как тёплая смола.

Круг, заметив, что друг перестал сверлить взглядом стол, пододвинул к нему тарелку с солёными орешками.

— Ешь давай. А то свалишься раньше времени, а у нас ещё тосты не кончились.

— Какие тосты? — Эльтуран поднял мутный взгляд.

— А хотя бы за тех, кто платит нам золотом, а не медяками, — Круг поднял кружку и многозначительно посмотрел на Рэма. Волк-люпус оскалился в ответ.

— Это ты на что намекаешь, рогатый? Я в прошлый раз честно поделил долю.

— Честно? — фыркнул сидящий рядом с ним наёмник, коренастый даркан с кабаньими клыками.

— Ты забыл сказать, что вычел за тот разбитый кувшин, который сам же и уронил.

— Кувшин не считается, он был пустой!

— А вино из него уже в тебе было, стало быть, не пустой.

За столом грохнул смех. Даже Эльтуран невольно усмеялся, глядя, как Рэм пытается оправдаться, размахивая ру-

ками и чуть не сшибая кружки.

Торсон, сидевший напротив, лениво помешивал пальцем в своей кружке.

— У нас в Моринхейме такие споры решают просто: кто громче рыгнёт, тот и прав.

— И часто ты выигрывал? — поинтересовался Эл.

— Ни разу, — невозмутимо ответил гном.

— Но я хотя бы честно проигрывал.

Снова смех. Круг, довольно ухмыляясь, наполнил кружки по новой.

— А ты, эльф, чего такой хмурый? — спросил кабаний даркан, чьё имя Эльтуран, кажется, уже раз десять забывал.

— Радуйся, что не с нами в прошлый раз в пески попёрся. Там такая жарница была, что я свои копыта чуть не сжёг.

— Ага, а потом этот, — Рэм ткнул пальцем в кабаньего.

— Нашёл оазис и просидел в нём полдня, пока мы от солнца прятались под скалой размером с мою ладонь.

— Я разведку вёл!

— Ты задницу мочил, а не разведку вёл.

Слово за слово, разговор утёк в привычное русло: кто, где, сколько заработал, кто кого обманул, кто с кем подрался и кто кому должен. Эльтуран слушал вполуха, но тепло от выпитого и привычный гомон делали своё дело — тревога отступала, сменяясь ленивой, чуть пьяной истомой. Где-то на середине очередной пинты Круг наклонился к нему и тихо сказал:

— Ты не переживай. Рун твой — мужик тёртый. Выкрутится.

— Ты не знаешь этих магистров, — так же тихо ответил Эл.

— Они просто так не отстанут.

— А ты, видимо, не знаешь Руна, — усмехнулся Круг.

— Я таких везучих ещё не встречал. Он даже из задницы Бездны выйдет с улыбкой и скажет, что там было красиво.

Эльтуран хмыкнул, но ничего не ответил.

Тем временем кабаний даркан, чьё имя наконец всплыло. Кажется, Храг, начал травить историю о том, как он однажды приударил за эльфийкой в портовом кабаке.

— И вот, значит, я к ней подхожу, весь такой при параде, клыки почистил, жирок с морды утёр. Говорю: «Красавица, не желаешь ли составить компанию настоящему мужчине?» А она как зыркнет на меня своими глазищами, как фыркнет...

— И что? — подался вперёд Рэм.

— А ничего. Сказала, что у неё правило: никаких кабанов до третьей пинты.

— И?

— И я пошёл пить третью, — Храг сам заржал над своей шуткой громче всех.

— Дурак ты, Храг, — покрутил пальцем у виска Круг.

— Эльфиек с первой пинты брать надо, пока они сами не протрезвели и не поняли, с кем связались.

— А ты бы кого взял? — поинтересовался Торсон, лениво прихлёбывая из кружки.

— Я? — Круг задумался, почесал рог.

— Ну... наверное, ту рыженькую, что в лавке у Финделя работает. Хвостатая такая, глазки хитрые.

— Лиса? — уточнил Эл.

— Ага. Говорят, языком так крутит, что любого торговца уболтает. Я бы рискнул.

— Языком крутит? — переспросил Рэм и многозначительно заухал.

За столом снова взорвался хохот. Круг швырнул в волка орешком, но промазал.

— У тебя мысли только об одном, пёс!

— А о чём ещё думать, когда мы по полгода в походах?

— О том, как бы не сдохнуть от лап какого-нибудь демона, — философски заметил Торсон.

— Это само собой. Но после этого - об одном.

Гном только головой покачал, но в глазах его плясали смешинки.

Эльтуран допил очередную кружку и почувствовал, что мир вокруг стал мягче, а углы круглее. Он поймал себя на том, что улыбается, слушая перепалку наёмников. Хорошо. Просто. Без заговоров, магистров и странных девок в лесу.

— Эй, эльф, — окликнул его Храг.

— А ты сам-то? Неужели за тысячу лет никого не нашёл?

— Находил, — коротко ответил Эл.

— И?

— И разошлись. Я слишком долго живу для неё.

Повисла короткая пауза. Храг кашлянул, поняв, что ляпнул лишнего, но Круг быстро перевёл разговор:

— А у нас в отряде вон Торсон тоже холостой. И не женится. Говорит, бороду жалко стричь под семейный стандарт.

— Она у меня триста лет росла, — буркнул гном.

— Никакая баба не стоит того, чтобы это добро резать.

— А если очень красивая? — подначил Рэм.

— Тем более не стоит. Красивые бабы дорого обходятся.

Эльтуран хмыкнул и поднял кружку:

— За это надо выпить.

— За что именно? — уточнил Круг.

— За то, чтобы наши бороды, хвосты и рога оставались при нас. А бабы, если что, сами найдутся.

— Мудро, — кивнул гном.

— Пьяно, но мудро.

Они чокнулись. Снова разговор утёк в бытовые сплетни: кто из городских стражников подрался с купцом, у кого жена родила тройню, какие цены на зерно в этом месяце. Эльтуран слушал, кивал, иногда вставлял слово, но всё больше молчал, позволяя шуму заливать пустоту внутри.

Храг как раз рассказывал историю о том, как один знакомый торговец пытался продать гнилое зерно под видом свежего и чуть не получил вилами от разъярённых крестьян. Рэм ржал так, что столешница под его локтями ходила ходу-

ном. Круг, заплетающимся языком, вставлял комментарии про то, что любой уважающий себя тифлинг за такое сдерет с торговца втрое больше. И вдруг наступила тишина.

Эльтуран даже не сразу понял, что случилось. Он моргнул, пытаясь сообразить, почему перестал слышать собственные мысли. Гул в ушах, который он принимал за продолжение разговора, оказался просто звоном от выпитого. Он тряхнул головой, но тишина не исчезла — она стала ещё плотнее, ещё ощутимее.

Храг замер с открытым ртом на полуслове. Рэм, который секунду назад заходиллся смехом, теперь сидел с выражением лица, будто его застали за кражей казённого золота. Даже Круг, который, казалось, уже ничего не соображал, медленно повернул голову к двери и застыл, забыв про кружку в руке.

Торсон, единственный, кто сохранил способность двигаться, аккуратно, почти беззвучно, поставил свою кружку на стол и сложил руки на груди. Глаза его, однако, выражали странную смесь любопытства и опаски. Эльтуран проследил за взглядами. В дверях стояла она. Альвейн.

Она была прекрасна. Это Эльтуран знал всегда. Трудно не знать, когда ты рос рядом с главной красавицей клана. Но сейчас в этом было что-то пугающее. Идеальные черты лица, обрамлённые светлыми волосами, зелёные глаза, в которых отражался свет магических светильников таверны... и абсолютная, ледяная ярость, застывшая где-то под поверхностью. В воздухе звенела мана, наполняющая помещение,

разгоняя затхлый воздух.

Она стояла неподвижно, как статуя работы древних мастеров, и медленно обводила взглядом зал. Никто не решался встретиться с ней глазами. Даже пьяный детина в углу, который ещё минуту назад храпел на весь кабак, вдруг затих, то ли почувствовал, то ли просто повезло.

Альвейн была одета в простую дорожную одежду, но мантия магистра Башни, небрежно накинутая на плечи, говорила сама за себя. Знак факультета Совы на груди поблёскивал в полумраке, и каждый в этом зале понимал, что означает эта эмблема.

Кто-то за соседним столом поперхнулся пивом и закашлялся, пытаясь сделать это максимально тихо. Получалось плохо.

Эльтуран почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он знал этот взгляд. Таким Альвейн смотрела на провинившихся учеников в Башне. Таким на отчёты, которые Рун умудрялся испортить даже после того, как их уже переписали. Таким на него самого, когда он в детстве разбил её любимый магический кристалл.

— Ох, Бездна... — выдохнул Круг одними губами.

Альвейн шагнула вперёд. Каблуки её сапог отчётливо стукнули по деревянному полу. В тишине этот звук показался раскатом грома. Она шла прямо к их столу.

Торсон, сохраняя каменное выражение лица, незаметно сдвинулся чуть в сторону, освобождая место. Храбрый гном.

Эльтуран вскочил из-за стола, загораживая собой друзей. Вышло плохо и он чуть не завалился от количества выпитого, но на удивление твердая рука Альвейн не дала ему упасть. Уже готовясь оправдываться и вымаливать милость, Эл поднял глаза на сестру. Но вместо гнева, презрения или чего еще, он увидел в её глазах лишь мягкость и какую-то расслабленность. Которая тотчас передалась ему и он обмяк, удерживаемый вертикально лишь бледным фиолетовым свечением. Мана сестры была теплой и нежной.

Альвейн направилась к выходу, увлекая парящего в паре дюймов над землей брата следом. Дверь за ними закрылась. Тишина в таверне продержалась ещё секунд десять, а потом взорвалась многоголосым шёпотом.

— Это кто была?

— Ты что, с ума сошёл? Это магистр Башни!

— А чего она тут?

— А я знаю? Но если у неё брат в нашем кабаке...

— Тихо! Ещё вернётся.

Торсон, оставшийся за столом, медленно допил остатки из своей кружки и философски заметил:

— А я говорил, что красивые бабы дорого обходятся.

Глава 4

Альвейн шагала по пустынной улице, и ночной Мэнетиль обступал её со всех сторон привычными звуками: где-то скрипнула ставня, лениво брехнула собака, ветер шелестел в кронах деревьев, растущих вдоль дороги. Фонари мягким, слегка желтоватым светом разгоняли ночную тьму. Альвейн успокаивал этот свет, напоминающий тусклый блеск лучины. Такой уютный и теплый.

За спиной, в полупрозрачном фиолетовом коконе, парил Эльтуран. Альвейн держала плетение на автомате, даже не задумываясь, мана текла легко, словно сама знала, что нужно делать. Брат висел в воздухе лицом вниз, руки безвольно болтались, волосы растрепались и почти касались мостовой. Со стороны могло показаться, что она тащит труп. Но Альвейн знала, что он жив, дышит и даже иногда пытается что-то сказать.

— Эй... — раздалось из кокона.

— Аля...

— Я здесь, — коротко ответила она, не оборачиваясь.

— А чего мы... домой? А не в... ну... — Эльтуран запнулся, пытаясь сформулировать мысль.

— В кабак... ещё?

— Потому что ты выпил больше, чем весишь.

— Я легкий, — обиженно пробормотал брат.

— И вообще... ты сама виновата. Зачем пришла? Я там с парнями сидел... нормально же всё было...

Альвейн промолчала. Конечно, нормально. Сидел с наёмниками, пил, травил байки, пока она по архивам и Башням собирала новости, от которых внутри всё холодело.

— С парнями, — повторила она с лёгкой усмешкой.

— Круг и Рэм — парни.

— Ага. И Торсон ещё. Классный гном. Он, знаешь, говорит... — Эльтуран икнул.

— Говорит, что красивые бабы дорого обходятся. Это он про тебя, наверное.

— Лестно.

— Ага. Я сказал, что ты вообще бесценная. Он засмеялся. А потом сказал, что бесценные — это те, за кого платить не надо, но они всё равно дороже золота. Я не понял, но было смешно.

Альвейн невольно улыбнулась, хотя улыбка вышла грустной. Эл всегда так, когда ему плохо, он пытается шутить. Когда страшно тоже пытается шутить. А когда не знает, что делать, просто молчит и смотрит в стену. Сейчас он говорил без остановки, и это значило, что внутри у него всё переворачивается.

Она осторожно повернула за угол, на их улицу. Здесь было ещё тише, жилой район, никаких трактиров и лавок, только двухэтажные домики с палисадниками. В некоторых окнах ещё горел свет — кто-то не спал, читал, работал, может быть,

ждал детей из гостей.

— Аля...

— М?

— А чего ты меня искала? — вдруг спросил Эл, и в его голосе прорезалась странная трезвость.

— Ты же не просто так... ты всегда занятая. А тут пришла.

Альвейн сжала кулак, но плетение даже не дрогнуло. Она ждала этого вопроса. Знала, что он задаст, даже пьяный. Эл никогда не был глупым.

— Соскучилась, — ответила она слишком быстро.

— Ага. — Брат помолчал.

— Я тоже скучал. Но ты врёшь.

— Вру. — честно призналась она. Брат был, пожалуй, единственным, перед кем Альвейн не могла притворяться.

— Это из-за Руна? — тихо спросил Эльтуран.

Она замерла на секунду, потом продолжила идти.

— С чего ты взял?

— Да так... — он вздохнул. — Круг тоже что-то говорил. Про магистров. Про то, что Руну грозит...

— Не сейчас, Эл.

Он замолчал. Послушно, как умел только он, когда понимал, что сестра на пределе. Но молчание это было тяжёлым, наполненным вопросами, на которые оба боялись услышать ответы.

Альвейн остановилась у калитки. Покосившийся забор, знакомая тропинка, куст сирени, который они посадили вме-

сте с Элом лет сто назад и который до сих пор цвёл каждую весну. Мана мягко опустила кокон на землю, и плетение рассыпалось фиолетовыми искрами.

Эльтуран пошатнулся, вставая, но устоял. Он оперся на калитку, и смотрел на сестру. В свете луны его лицо казалось бледным, а глаза слишком большими и тёмными.

— Аля...

— Завтра, — сказала она твёрдо.

— Завтра всё обсудим. Иди спать.

— А ты?

— Я посижу ещё. Подышу.

Он кивнул, толкнул калитку и пошёл к дому, чуть покачиваясь. На крыльце обернулся, хотел что-то добавить, но передумал и скрылся за дверью.

Он рухнул на кровать, даже не раздеваясь. Сапоги скинул и на том спасибо. Мир вокруг качался, но теперь это было даже приятно. Как будто он всё ещё плыл в магическом коконе сестры.

Странно, что она вообще его потащила. Могла бы оставить досыпать в таверне. Наёмники бы приглядели. А она пришла. Забрала. Домой доставила, как... как ребёнка.

Он усмехнулся в подушку. Ребёнок. Семьсот лет, а ведёт себя как мальчишка.

Мысли путались. Круг, Рэм, Торсон... классный гном. Надо будет с ним ещё выпить, когда всё это... когда всё это закончится. А вдруг не закончится? Вдруг магистры всерьёз?

Он перевернулся на спину и уставился в тот же потолок, что и сестра этажом выше. Только трещин не считал. Просто смотрел в темноту. Рун бедовый друг. Вечно лезет куда не надо, вечно находит приключения, вечно выходит сухим из воды. Но сейчас... сейчас пахнет чем-то серьёзным.

Эльтуран вспомнил, как Круг смотрел на него перед уходом. Взгляд у тифлинга был странный, будто он знал что-то, чего не договаривал. Или догадывался. С наёмниками всегда так: они видят больше, чем говорят, потому что иначе не выжить.

— Эх, Рун... — выдохнул он в потолок.

— Ну зачем тебе эти люди? Сидел бы дома, писал отчёты... Альвейн бы не злилась... и магистры бы не... — Он замолчал, потому что даже пьяным понимал: Рун без своих друзей - не Рун.

Где-то внизу скрипнула дверь. Сестра зашла в дом. Эльтуран прислушался: шаги, пауза, снова шаги — к лестнице. Она поднималась медленно, тяжело, будто несла на плечах невидимый груз. Он хотел встать, пойти к ней, спросить... но тело не слушалось. Алкоголь взял своё.

— Завтра, — подумал он, проваливаясь в сон.

— Завтра всё обсудим. Завтра...

Последнее, что он услышал перед тем, как забыться, — тихий скрип половиц этажом выше и приглушённый вздох. Потом тишина.

Альвейн осталась одна. Она стояла у калитки, прислонившись плечом к покосившемуся столбу, и смотрела на город. Отсюда, с их тихой улочки, Мэнетиль казался спящим — тёмные окна, пустые мостовые, лишь изредка где-то вдалеке мелькал одинокий фонарщик с лестницей на плече, проверяющий кристаллы.

Но Альвейн знала: город не спит. Где-то там, за крышами, в портовых тавернах всё ещё горел свет, и моряки спорили о цене на грузы, которые никто не спрашивал. В лавках Ассоциации торговцы пересчитывали дневную выручку и прикидывали, сколько можно содрать с завтрашних покупателей. В подвалах Гильдии дежурные архивариусы листали старые отчёты, выискивая закономерности, которые могли бы объяснить новые аномалии. А в Башне... В Башне жизнь не затихала никогда. Лаборатории факультетов работали круглосуточно, где-то сейчас варили зелья, где-то плели вириалы, где-то ученики мучили формулы, которые у них никак не получались.

Город дышал. Медленно, ровно, как огромный зверь, притворившийся спящим. Но Альвейн слишком долго жила в Мэнетиле, чтобы верить в эту иллюзию покоя.

Она перевела взгляд дальше — туда, где за стенами угадывалась темнеющая громада Хрустального леса. Где сейчас бродил Рун со своим дурацким любопытством и верой в чудеса. Где, если верить слухам, творилось что-то странное, что-то, что уже заставило магистров шевелиться рань-

ше времени.

— Глупый город, — тихо сказала она в пустоту.

— Вечно ты таишь что-то в темноте.

Ветер качнул ветки сирени, осыпав её плечи лепестками. Альвейн машинально стряхнула их, но не двинулась с места. Она смотрела на огни дальних кварталов, на тёмные провалы узких улочек, на крыши, за которыми угадывалась громада Башни — и думала о том, что знает этот город слишком хорошо.

Она знала, какие сделки заключаются в тех домах, где окна наглухо зашторены. Знала, какие грузы проходят через ночные ворота, минуя досмотр. Знала, что в канализации живут не только крысы и что иногда оттуда доносятся звуки, которые не может издавать ни один зверь. Знала, что мирная жизнь Мэнетиля — это тонкая корка, под которой бурлит настоящая, тёмная, опасная жизнь. И сейчас эта корка начинала трещать по швам.

— Талмирион, — пробормотала она. — Лоратиэль. Все эти слухи. — Она покачала головой.

— И Рун со своими открытиями в самый неподходящий момент.

Где-то вдалеке завывала собака. Ей ответила другая, ближе. Город переговаривался на своём языке, и Альвейн понимала его лучше, чем хотела бы.

Она вздохнула, оттолкнулась от столба и поправила мантию. Ноги немного затекли от долгого стояния, но внутри

появилась странная ясность. Страх не ушёл, он просто перестал быть липким и тягучим, превратившись в холодную решимость.

— Завтра, — пообещала она городу, себе, брату, спящему за стеной, и Руну, который даже не подозревал, что на него готовится охота.

— Завтра будем разбираться.

Она толкнула калитку и пошла к дому. На крыльце задержалась на секунду, бросив последний взгляд на ночной Мэнетиль. Город молчал, притворяясь спящим.

Но Альвейн знала правду. И эта правда не давала ей уснуть уже много лет.

Тихо, стараясь не разбудить брата, она прокралась до своей комнаты. Скинув верхнюю одежду и обувь, аккуратно сложив все на свои места, она ополоснула лицо в небольшом тазике у окна и легла в кровать.

Она лежала на спине, глядя в потолок, и считала трещины в штукатурке. Их было ровно семь. Она знала это уже много лет, но считать почему-то помогало. Мысли всё равно лезли. Талмирион. Лоратиэль. Поездка в столицу. Рун.

Она представила, как они сидят где-то там, в палатке или в походном шатре, и обсуждают его. Холодно, методично, без злобы — просто как проблему, которую нужно решить. Талмирион наверняка уже подготовил список нарушений за последние лет пятьдесят. Лоратиэль, скорее всего, кивал и предлагал варианты изоляции.

Глупости. Руна нельзя изолировать. Он как вода. Всегда найдёт щель, просочится, вытечет. Если его запереть в клетку, он просто сбежит. Если понизить, то продолжит делать то же самое, но без официального статуса. А если... она не хотела думать, что «если».

Рядом с кроватью, на тумбочке, лежала стопка свежих пергаментов. Чистых, готовых к работе. Альвейн мельком глянула на них и усмехнулась в темноте. Рун, наверное, уже спит где-то в лесу и видит сны о своих белках и говорящих цветах. А она тут лежит, сверлит взглядом потолок и пытается придумать, как защитить друга от него самого.

— Дурак, — шепнула она в пустоту.

— И я дура. И Эл дурак. Отряд дураков.

Ответа не последовало. Только ветер за окном качнул ветку, и та скрипнула по стеклу.

Где-то в глубине души она знала, что завтра ничего не решится. И послезавтра, скорее всего, тоже. Но хотя бы спать перестанет хотеться. Она закрыла глаза. Мысли всё равно никуда не делись.

Город за окном постепенно затихал. Последние пьяные выкрики из порта стихли, стражники сменились на посту и теперь шагали молча, лишь изредка позвякивая амуницией. Луна поднялась высоко, заливая улицы серебром, и даже вечно гудящая Башня приглушила свои огни. Маги всё-таки тоже иногда спали.

Эльфийка уже почти провалилась в тревожную дремоту,

когда порыв ветра качнул ветку за окном и в приоткрытую створку ворвался свежий, влажный запах.

Запах леса.

Он пришёл из-за стен. Терпкий, смолистый, с нотками прелой листвы и утренней росы, которой ещё только предстояло выпасть. Хрустальный лес дышал, жил своей ночной жизнью, и ветер, верный слуга Валенсии, принёс его дыхание в самый центр каменного города.

Альвейн глубоко вдохнула, и на мгновение ей показалось, что она снова маленькая девочка, бегущая босиком по траве где-то в предгорьях, где их семья проводила летние месяцы. Мать учила её слушать ветер, чувствовать в нём голоса предков, искать ответы в шелесте листвы. Тогда мир был простым: деревья, небо, запах леса и тёплая рука в ладони. Ветер стих так же внезапно, как и налетел. Запах растаял, оставив лишь лёгкую, едва уловимую свежесть. Но тревога в груди чуть ослабла. словно сама Валенсия коснулась своим крылом встревоженной души, напоминая: даже в самые тёмные ночи лес помнит своих детей.

Словно убаюканная великой матерью лесов, Альвейн провалилась в сон, такой спокойный и размеренный.

Она открыла глаза за мгновение до того, как первый солнечный луч коснулся подушки. Она всегда просыпалась так, будто внутри сидел идеально настроенный магический будильник. Никакой дрёмы, никакого "ещё пять минут". Просто щелчок и сознание включилось, холодное и ясное, гото-

вое к новому дню.

В комнате пахло утром. Деревом, выветрившейся за ночь пылью из открытого окна и... едой? Альвейн приподнялась на локте и принялась. Точно. Яичница, поджаренный хлеб и что-то ещё, сладковатое. Кажется, блины.

Она невольно улыбнулась. Эл готовил блины только в двух случаях: когда хотел что-то отпраздновать или когда чувствовал себя чудовищно виноватым. Судя по вчерашнему, сегодня работал второй вариант. Альвейн откинула одеяло и села. Тело слушалось отлично. Магическая усталость после ночного плетения ушла бесследно. Она провела рукой по волосам, собирая их в хвост, и встала.

Ванная комната встретила её привычной прохладой. Альвейн пустила воду, позволив себе минуту просто постоять под струями, чувствуя, как остатки ночных тревог стекают вместе с водой. Вода была теплой. Мистические нагреватели работали исправно. Она на мгновение задумалась, сколько ещё магических систем в Мэнетиле работает благодаря таким же магам, как она. И сколько из них могут встать, если Совет примет неправильное решение.

Она тряхнула головой, отгоняя мысли. Не сейчас. Сначала завтрак. Через десять минут, одетая в простую домашнюю рубашку и удобные штаны, благо, сегодня она никуда официально не собиралась, Альвейн спустилась вниз. Кухня встретила её теплом и ароматами.

Эльтуран стоял у плиты, сосредоточенно переворачивая

лопаткой румяные блины. На нём был старый фартук с пятнами от прошлых кулинарных экспериментов, а волосы растрепались ещё сильнее, чем вчера. Он даже не обернулся на скрип лестницы. Видимо, так увлёкся процессом, что ничего не слышал.

На столе уже дымилась тарелка с яичницей, стояла стопка готовых блинов, маслénка и кувшин с морсом. Рядом сиротливо примостилась вазочка с вареньем. Любимым, вишневым. Альвейн его обожала, и Эл, конечно, помнил.

— Ты чего встала так рано? — спросил он, наконец заметив её присутствие. Голос звучал виновато, но в глазах плясали чертики.

— Я думал, ты ещё поспишь. Я тут... ну, решил приготовить. В качестве... извинения.

— За что именно? — Альвейн села за стол, потянулась к блину и отломил кусочек.

— За то, что вчера напился как орк? За то, что заставил меня тащить тебя через полгорода? Или за то, что теперь пытаешься откормить меня до размеров Бурхана?

— Эй, — обиженно отозвался Эл.

— Блины отличные! И вообще, я не напился. Я просто... расслабился.

— Ага. Расслабился настолько, что висел в магическом коконе и разговаривал с ветром.

— Я с тобой разговаривал!

— Ты разговаривал сам с собой. Я просто была рядом.

Эльтуран фыркнул, но спорить не стал. Он снял с плиты последний блин, водрузил его на стопку и плюхнулся напротив сестры. Несколько секунд они молча ели. Солнце уже всю заливало кухню, играло на гранях стеклянной посуды, делало деревянный стол почти золотым.

— Слушай, — начал Эл, не поднимая глаз от тарелки.

— Я помню, что вчера нёс какую-то чушь. Но кое-что помню точно. Круг говорил про магистров. Про то, что они...

— он запнулся.

— Что они хотят Руна убрать. Это правда?

Альвейн отложила вилку. Секунду она смотрела на брата, взвешивая, сколько можно сказать. Потом решила — врать бесполезно. Эл не дурак и сам всё узнает.

— Правда. Талмирион и Лоратиэль уехали в столицу. Вместе. А перед этим Талмирион собирал досье на Руна. Старые отчёты, нарушения, всё, что можно притянуть.

— Вот же... — Эл выдохнул и откинулся на спинку стула.

— И что делать?

— Не знаю. — Альвейн взяла кружку с морсом, сделала глоток.

— Сначалаждемся Руна. Потом разберемся, что он там нашёл в этом лесу. Потом... потом решать по ситуации.

— А если они уже всё решили? Если вернутся и сразу объявят?

— Тогда будем думать на ходу.

Эльтуран хмыкнул, но спорить не стал. Вместо этого он

подвинул к сестре вазочку с вареньем.

— Ешь давай. Мозгам нужен сахар.

— С каких это пор ты в этом разбираешься?

— С тех пор, как понял, что с тобой бесполезно спорить.

Альвейн усмехнулась и взяла ещё блин. На кухне снова повисло молчание, но теперь оно было другим — не тягостным, а почти уютным. Солнце поднималось выше, заливая комнату светом. За окном зачирикали птицы. Где-то вдалеке залаяла собака, ей ответил петух. Город просыпался.

— Знаешь, — сказал Эл, намазывая варенье на блин.

— А ведь могло быть хуже.

— Куда уж хуже?

— Ну... мог бы вчера не Круг рассказать, а стражники прийти и арестовать Руна прямо в лесу. Или мог бы Талмирион сам приехать с утра пораньше. Или мог бы...

— Эл, — перебила Альвейн.

— Ты пытаешься меня успокоить или добить?

— Успокоить, конечно! — возмутился он.

— Я вообще мастер успокаивать. Помнишь, как ты после того отчёта с лягушкой чуть в окно не выпрыгнула, а я тебе стихи читал?

— Ты читал мне инструкцию по эксплуатации магических светильников.

— Ну, в тот момент это были стихи.

Альвейн не выдержала и рассмеялась. Легко, свободно, как не смеялась уже несколько дней. Эл довольно ухмыль-

нулся и откусил полблина.

— Вот так-то лучше. А то сидишь, как туча грозовая. Сейчас ещё дождь пойдёт.

— Не пойдёт. Я обещаю.

— Ну, раз магистр обещает, значит, так и будет.

Они снова замолчали, доедая завтрак. Альвейн поймала себя на мысли, что этот момент, обычный, простой, с блинами и глупыми шутками, бесценен. Потому что она знала: скоро всё изменится. Скоро им придётся действовать, говорить, спорить, возможно, даже драться. А пока... пока можно просто сидеть на кухне с братом и делать вид, что мир не рушится.

И вдруг стук в дверь. Громкий, настойчивый, не терпящий отлагательств.

Альвейн и Эльтуран переглянулись. В глазах брата мелькнуло то же, что и у неё: тревога, смешанная с готовностью.

Они уже доедали завтрак, когда в дверь постучали. Стук был не просто громким. Он был отчаянным. Короткая дробь, пауза, и снова. Словно тот, кто ломился, боялся, что его не услышат и уйдёт, но уходить было нельзя. Альвейн и Эльтуран переглянулись. В глазах брата мелькнуло то же, что и у неё: тревога, смешанная с готовностью.

— Кого там принесло в такую рань? — пробормотал Эл, вставая из-за стола и машинально вытирая руки о штаны.

— Откроем - узнаем, — Альвейн тоже поднялась, поправила домашнюю рубашку и, сама не заметив как, сделала шаг

в сторону двери. Мана внутри неё уже начала шевелиться, готовая к любому развитию событий.

Стук повторился. Ещё громче, ещё настойчивее. Теперь уже было слышно, что бьют не кулаком, а чем-то мелким и твёрдым. Может, костяшками, а может, и лбом.

— Иду я, иду! — крикнул Эл, щёлкая замком.

Дверь распахнулась. И в ту же секунду в живот Эльтурана влетел кулак.

Удар был неожиданным и, что самое обидное, довольно сильным для такого мелкого создания. Эл охнул, согнулся пополам и схватился за ушибленное место, выпучив глаза от не столько боли, сколько от изумления.

— Твою ж... — выдохнул он, пытаясь выпрямиться.

Мальчишка, стоявший на пороге, отскочил назад так резко, что чуть не слетел с крыльца. Его длинные, смешно торчащие уши затрепетали, хлопая по покрасневшимся щекам. Он завёл руки за спину, будто пытаясь спрятать орудие преступления, и уставился на Эльтурана круглыми виноватыми глазами.

— Я... я не хотел! Я стучал! Вы долго не открывали, я подумал, что вы не слышите, и хотел посильнее, а тут дверь открылась, и я уже не успел остановиться! — выпалил он на одном дыхании.

Эльтуран наконец разогнулся, потирая живот, и смерил паренька тяжёлым взглядом.

— Вилоран? — голос Альвейн раздался из-за спины бра-

та, и в нём слышалось искреннее удивление. Она вышла вперёд, вглядываясь в знакомое лицо.

— Ты что здесь делаешь?

Вилоран был сыном хозяйки постоянного двора, где снимал комнату Рун. Тощий, вихрастый эльфёнок лет пятидесяти — для эльфов это почти младенец, — вечно вертелся под ногами у постояльцев, таскал им еду, подслушивал разговоры и мечтал стать великим путешественником. Но чтобы он пришёл в другой район, да ещё в такую рань? Это было странно.

Мальчик переводил дыхание, тяжело вздымая грудную клетку. Рубаха на нём была мятая, волосы растрепались, а на щеке красовалась полоска грязи — будто он упал по дороге.

— Что случилось, Вил? — Эльтуран сменил тон с раздражённого на встревоженный. Он шагнул вперёд, протягивая руку к мальчишке.

— Заходи, отдышись сначала.

Но Вилоран мотнул головой, и его длинные уши снова захлопали по лицу.

— Не могу! Там это... Рун! — он наконец отдышался и выпалил одним духом.

— Рун с ума сошёл! Весь в грязи и смеётся!

У Альвейн внутри всё оборвалось. Она перевела взгляд на брата — тот смотрел на неё с тем же выражением: смесь страха и обречённости.

— Не было б печали, — пробормотал Эл себе под нос.

— Подробности потом, — отрезала Альвейн и, даже не думая переодеваться, рванула с места. Мантию магистра, висевшую на вешалке, она прихватила на бегу, накинув на плечи одним лёгким движением. Эльтуран — за ней, забыв про боль в животе.

Они неслись по пустынным утренним улицам, распуская редких прохожих и сонных торговцев, только начинавших открывать свои лавки. Ветер свистел в ушах, сердце колотилось где-то в горле, а перед глазами стояла одна мысль:

«Рун, ну что ты опять натворил?».

Вилоран, оставшийся стоять на крыльце с открытым ртом, проводил их взглядом и, подумав секунду, припустил следом — кто ж пропустит такое представление?

Альвейн и Эльтуран влетели в общий зал «Приюта путника» так, будто за ними гналась вся Бездна разом. Дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену, и парочка запыхавшихся эльфов ворвалась внутрь, едва не сбив с ног зазевавшегося постояльца, который как раз спускался с лестницы с кружкой в руке.

— Эй, полегче! — возмутился тот, но Альвейн даже не обернулась.

Зал выглядел... странно. Утренний свет лился в окна, золотя деревянные столы и лавки, но картина была далека от идиллической. Несколько стульев валялись на боку, один стол был сдвинут к стене под неестественным углом, а на полу темнели отпечатки грязных сапог — цепочка следов вела

к лестнице на второй этаж. Из-за стойки донеслось тяжелое, полное скорби вздыхание.

Альмирия стояла, опершись руками о столешницу, и смотрела на этот разгром с выражением лица, которое бывает только у матерей, чьи дети только что устроили нечто невообразимое. Высокая, статная эльфийка с волосами цвета тёмной меди, собранными в аккуратный пучок, она выглядела так, будто не спала всю ночь — под глазами залегли тени, а уголки губ были плотно сжаты.

— Альмирия! — выдохнул Эльтуран, подбегая к стойке.

— Что случилось? Вилоран сказал...

— Вилоран, — перебила хозяйка голосом, в котором звенела усталость, перемешанная с раздражением.

— Хотя бы попытался помочь. В отличие от некоторых.

Она обвела рукой зал.

— Вы посмотрите на это. Я полчаса убиралась, чтобы хоть как-то привести в порядок. А этот ваш... ваш...

— Рун, — подсказала Альвейн, хотя и так было ясно.

— Рун! — Альмирия всплеснула руками.

— Он вернулся под утро. Я уже не спала, готовилась к завтраку, слышу грохот. Выхожу, а он... — она запнулась, подбирая слова.

— Он стоял посреди зала. Весь в грязи, с ног до головы. В волосах ветки, трава, какой-то мох. Сапоги такие, что я их теперь неделю оттирать буду. И... и смеётся!

— Смеётся? — переспросил Эл, хватаясь за голову.

— Заливисто так, безумно, — подтвердила хозяйка.

— Я ему говорю: «Рунсэнэй, что случилось? Ты в порядке?» А он смотрит на меня этими своими глазами, блестящими, и выдаёт: «Альмирия, вы даже не представляете! Люди! Они существуют! Я видел человека!»

Альвейн и Эльтуран переглянулись. В глазах брата читалось: «Ну всё, допрыгался». Альвейн же старательно сохраняла невозмутимое лицо, хотя внутри всё похолодело.

— Я думала, он рехнулся, — продолжала Альмирия, уже не в силах остановиться.

— Ну, знаете, бывает с исследователями, когда они слишком долго в лесах сидят. Но он! Он начал ходить по залу и размахивать руками, рассказывать про какую-то девушку с когтями и хвостом, про то, что это точно человек, потому что кто же ещё! А потом... потом он споткнулся об этот стул, — она ткнула пальцем в ближайший перевёрнутый стул,

— И опрокинул сразу два стола. Два, Кардея свидетельница!

— Он не ушибся? — машинально спросил Эльтуран.

— Он? — Альмирия округлила глаза.

— Да он даже не заметил! Продолжал смеяться, встал, отряхнулся и пошёл наверх. Сказал, что ему нужно выспаться, потому что завтра он снова пойдёт искать человека! — она перевела дух и добавила уже тише:

— Я хотела за ним прибраться, но побоялась заходить. Вдруг он там ещё чего учудит.

Альвейн положила руку на плечо хозяйки.

— Ты всё правильно сделала. Мы сейчас поднимемся и разберёмся.

— Ага, — поддакнул Эл.

— Может, он просто перегрелся на солнце? Или грибов каких не тех поел? С него станется.

— Грибов, — фыркнула Альмирия.

— Этот ваш Рун даже ядовитые грибы умудрится съесть и останется жив. Я уже не знаю, радоваться или плакать.

Она отошла от стойки, подняла один из стульев и водрузила на место.

— Вы уж присмотрите за ним, ладно? Он хоть и чокнутый, но платит исправно. И Вила моего за собой таскать не давайте, а то малец теперь тоже бредит людьми. Всю дорогу домой твердил, что Рун кого-то нашёл и что он тоже хочет в лес.

— Не дадим, — пообещал Эльтуран, хотя в голосе его не было особой уверенности.

Эльфы быстро прибрались за своим товарищем. Альвейн не захватила с собой ни единого катализатора, так что пришлось творить формулы руками. Скоро вся грязь растворилась, а стулья и столы, опрокинутые Руном, встали на свои места. Даже разбитая ваза вернулась к своему изначальному виду. Альмирии только и оставалось, что дивиться мастерству магистра. Эльтуран вернулся с улицы, закончив выбрасывать мусор, когда Альвейн уже направилась к лестнице.

На первой ступеньке она обернулась.

— Эл, ты со мной?

— А то, — вздохнул брат. — Кто ж тебя одну к нему пустит. Вдруг он опять про людей начнёт, а ты его сдуру при-
бьёшь.

— Я подумаю, — серьёзно ответила Альвейн и начала подниматься.

Эльтуран, бросив последний сочувственный взгляд на Альмирию, поплёлся за ней.

Хозяйка постоянного двора ещё несколько секунд смотрела им вслед, потом покачала головой и принялась собирать посуду. В углу зала, за одним из уцелевших столов, тихонько хихикал Вилоран, которого никто не заметил.

— Люди, — пробормотала Альмирия, вытирая кружку.
— Ну надо же. До чего дожили.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.